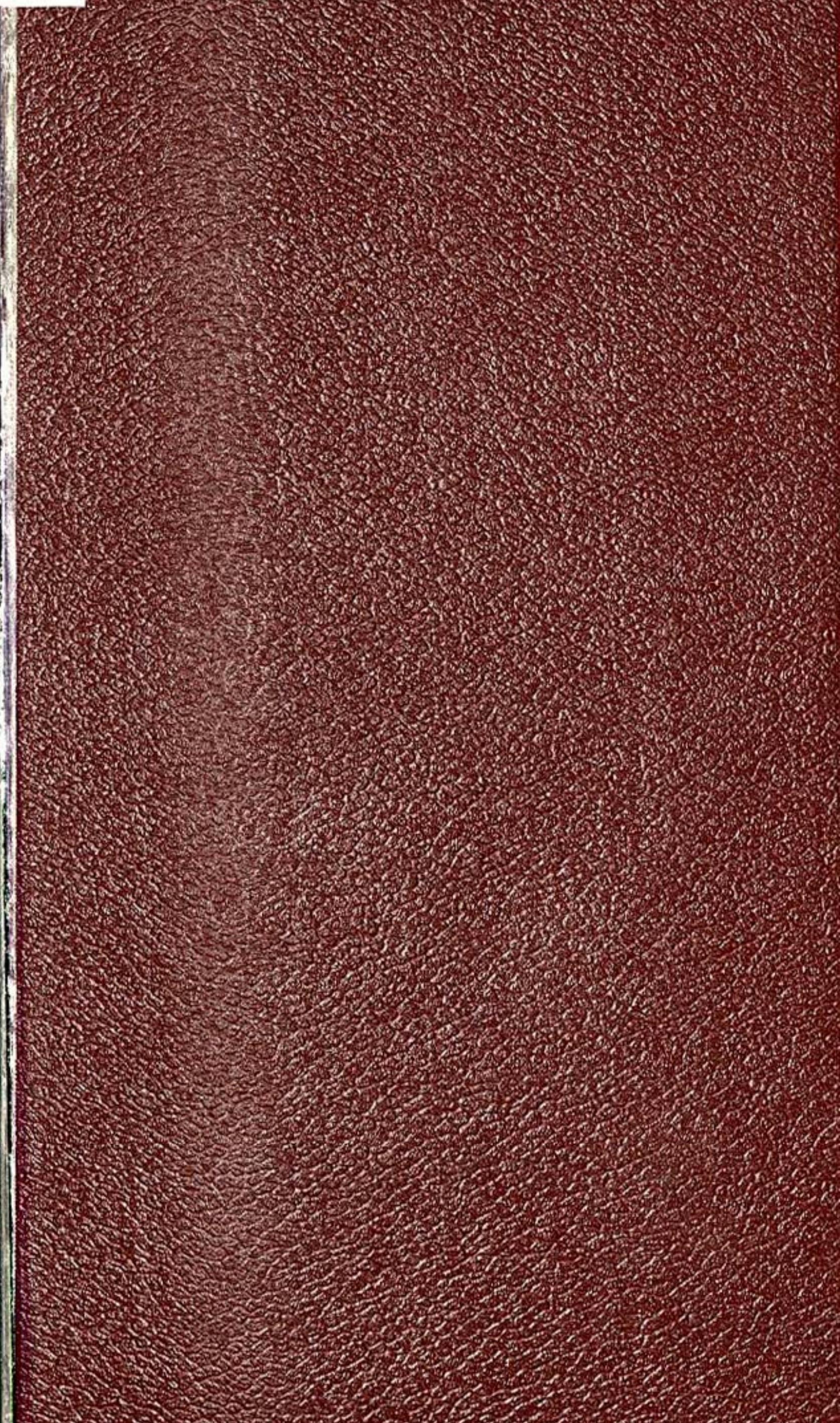

63.5(253.5)

¶ 65

65,5(253,3)

618

Г 65

СЛЕДЫ ЯЗЫЧЕСТВА

у

ИНОРОДЦЕВЪ СВЕРХ-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Н. Л. Гондатти.

- 11043 - а б

Государственное учреждение
“Национальная
библиотека ЯНАО”

МОСКВА.

Типографія Е. Г. Поташова, Старая Басманная, д. Марковой,
1888.

Изъ VIII книга Трудовъ Этнографического Отдѣла.

Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ.

Въ 1885 году мнѣ удалось побывать въ Сѣверо-Западной Сибири, куда я былъ командированъ съ цѣллю ознакомленія съ антропологическимъ типомъ населенія и для собирания коллекцій. Путь мой лежалъ чрезъ Нижній, Казань, Пермь, Тюмень на Тобольскъ, Березовъ и Обдорскъ; затѣмъ мною были посѣщены лѣвые притоки Оби: Сѣверная Сосьва съ Сыгвой и правый — Казымъ; осмотрѣнъ былъ Уралъ сѣвернѣе истоковъ Печоры и тундра въ различныхъ мѣстахъ. Посѣщенная мною мѣстность не представляетъ изъ себя вполнѣ не изыднаго уголка, особенно главное теченіе Оби, которое посѣщалось уже не разъ разными путешественниками, хотя никто изъ нихъ и не задавался специально антропологическими цѣлями; оставивъ поэтому Обь, я знакомился, главнымъ образомъ, все время съ ея притоками съ правой и съ лѣвой стороны, какъ наименѣе изслѣдованными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сохранившими свои типичныя черты. Изъ этихъ притоковъ меня наиболѣе интересовала Сѣверная Сосьва съ Сыгвой, берущая начало съ Урала и текущая болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ; рѣки эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ, какъ полагаютъ, были въ древности однимъ изъ мѣстопребываній югры. Такъ напримѣръ, по картѣ, приложенной къ Космографіи Себастьяна Мюнстера, видно, что югра живетъ на правой сторонѣ отъ Печоры; на картѣ Герберштейна, прямо противъ впаденія Сосьвы показана Югра; далѣе, лѣтописецъ Несторъ подъ 1096 годомъ пишетъ: „Се-же хощю сказать,

иже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, я же скажа ми Гуряти Роговичь Новгородець, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду; и пришедши отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Югру. *Югра* же людь есть языкъ нѣмъ, и *съдѣть сѣ Самоѣдъ на полуночныхъ странахъ...*; наконецъ, въ книжь Большаго Чертежа сказано, что «отъ устья (Оби) вверхъ—обдорскіе города. А выше обдорскіхъ городовъ—югрскіе. А выше югрскіхъ городовъ—сибирскіе»; и затѣмъ далѣе послѣ перечисленія югрскихъ городовъ, (среди пазваній которыхъ встрѣчаются и современныи урочища и селеніа) сказано: «А тѣ грады по Сосѣвѣ и Сыгвѣ—Югра».

Населеніе Сѣверо-Западной Сибири въ настолщее время довольно смѣшанное: не говоря про русскихъ и зырянъ, здесь сталкиваются три народности: самоѣды, остыки и манзы, народности, которыми прежде играло гораздо большую роль, чѣмъ это имъ суждено теперь; изъ нихъ остыки населяютъ, главнымъ образомъ, среднее и нижнее теченіе рѣки Оби съ ее притоками и низовья Иртыша; самоѣды живутъ по низовыи тундрѣ, бродить со своими стадами по берегамъ Ледовитаго моря и его островамъ, а манзы, известные у прежнихъ писателей подъ именемъ угровъ или югровъ и называемые местными русскими то остыками, то вогулами, составляютъ населеніе рѣкъ Сѣверной Сосѣвы и Сыгвы съ ихъ притоками; по типу, языку, обычаямъ и религіи это ничто иное, какъ тѣ вогулы, остатки которыхъ теперь встрѣчаются ввидѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. По мѣрѣ приближенія къ востоку, т. е. къ сѣверу, т. е. къ Ледовитому морю, манзы все болѣе и болѣе теряютъ свою чистоту, такъ какъ на востокѣ замѣчается ихъ смѣщеніе съ остыками, а на сѣверѣ — съ самоѣдами. Слѣды подобнаго смѣшанія видны вообще между всѣми тремя народностями и оно вполнѣ понятно въ виду тѣхъ частыхъ браковъ, которые заключаются между ихъ представителями. Съ одной стороны это обстоятельство, съ другой—одинаковыи

условія жизни производятъ то, что въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ занятіяхъ, въ одеждѣ, въ принадлежностяхъ домашнаго быта, въ типѣ — во всемъ замѣчается между ними много общаго.

Переходя теперь къ описанію слѣдовъ языческихъ вѣрованій у маньзонъ, я долженъ прежде всего оговориться: встрѣтить маньза, который могъ бы все разсказать про своихъ божества, теперь немыслимо: нѣкоторые, особенно молодые, ничего не знаютъ; или рассказываютъ и выдаютъ за свое слышанное когда-либо отъ русскихъ, такъ что все, что слѣдуетъ дальше, мнѣ приходилось слышать не отъ одного лица, а отъ нѣсколькихъ десятковъ разсказчиковъ, и затѣмъ слышанное привести уже болѣе или менѣе въ порядокъ.

Въ настоящее время инородцы Сѣверо-Западной Сибири, за небольшимъ количествомъ низовыхъ остиковъ и самоѣдовъ, все крещены и все считаются христіанами, но въ большинствѣ случаевъ только по имени, потому что по прежнему, почти все безъ исключенія, такъ-же вѣратъ въ своихъ божества, такъ-же приносить имъ жертвы, такъ-же почитаютъ своихъ шамановъ, какъ это они дѣлали до принятия христіянства; вся разница только въ томъ, что теперь они стараются все обряды совершать потихоньку, скрываясь, главнымъ образомъ, отъ духовнаго и свѣтскаго начальства и опасаясь, какъ-бы оно не взыскало и не наложило-бы за это какой-нибудь пени, чего они боятся больше всего. И здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, женщины, несмотря на свое нѣсколько прииженнное состояніе, являются гораздо консервативнѣе и фанатичнѣе мушкінъ, на которыхъ даже оказываютъ известное влияніе въ религіозномъ отношеніи: гораздо скорѣе можно узнать какія-нибудь тайны вѣрованій отъ мушкінъ, чѣмъ отъ женщинъ, и это, конечно, зависитъ не отъ ихъ большей словоохотливости, которая составляетъ и здѣсь, какъ и везде впрочемъ, скорѣе принадлежность слабой половины человѣчества. Изъ добытыхъ свѣдѣній видно, что религіозные взгляды и вѣрованія инородцевъ не представляютъ сбора всевоз-

можныхъ разсказать безъ видимой связи; напротивъ, послѣдняя чувствуется вездѣ и если она не для всѣхъ еще достаточно очевидна, то это зависитъ отъ малой разработки вопроса, поспѣшить чѣмъ вообще слѣдуетъ, потому что Сибирскіе ипороды или вымираютъ, или русѣютъ, причемъ забываютъ свой языкъ, свои преданія и обычай, и, конечно, недалеко уже то роковое время, когда изученіе ихъ будетъ возможно только по описаніямъ, оставленнымъ путешественниками, да по музейскимъ коллекціямъ, которыхъ, кстати сказать, въ икоторыхъ отношеніяхъ за границей гораздо лучше, чѣмъ у насъ — въ Россіи.

При существующемъ многобожіи, при раздѣленіи боговъ на добрыхъ и злыхъ, причемъ представителемъ первыхъ является якъ-то румъ^{*)} — великий богъ, а представителемъ вторыхъ — куль — діаволь, у ипородцевъ незамѣтно, по крайней мѣрѣ теперь, того страха и трепета, который является основнымъ началомъ въ религіяхъ икоторыхъ народностей; у нихъ скроѣ видна какая-то предупредительность по отношенію къ богамъ, смягченіе ихъ гнѣва и часто просто даже подкупъ въ ожиданіи будущихъ благъ различными дарами, приносимыми при всѣхъ мало-мальски выдающихся случаяхъ въ жизни: рождается, женится, умираетъ человѣкъ — приносится жертва съ просьбой: то сдѣлать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше дѣтей новобрачнымъ, то приготовить място получше въ будущей жизни; идетъ ипородецъ на охоту, на рыбную ловлю, онъ дѣлаетъ съ богами договоръ: «если убью три соболя, то одного тебѣ; если шесть, то двухъ; если тоня будетъ удачная, то самую большую рыбу получишь ты, иначе ничего не дамъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ.

^{*)} Приводимыи здесь названія взяты изъ языка Маньчжуръ, причемъ изъ икоторыхъ случаевъ употреблены надстрочные знаки, значение которыхъ таково: тире указываетъ, что инифектив гласныхъ буквъ произносится какъ долгий звукъ, поставленная подъ буквой *x* показываетъ, что это *x* произносится чуть слышно; также звонкіи, поставленные подъ *v*, служить указаниемъ на похожее произношеніе этого звука, напоминающее отщепы произношеніе, напримѣръ, французскаго слова — *oncle*.

Правда, яныхъ—торумъ и одинъ изъ его сыновей міръ сусна хумъ, завѣдывающій людьми, всесильны и могутъ все сдѣлать съ ними, но они добры и справедливы, а куля всегда можно подкупить; этимъ отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображенія, обыкновенно дѣлаемыя изъ металла или изъ дерева, и составляющія необходимую принадлежность каждой семьи и хранимые въ особомъ сундукѣ, иногда выкидываются или замѣняются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобные изображенія дѣлаются или самими инородцами, причемъ часто ими одѣваются въ разныя одежды, но преимущественно завертываются въ головные платки, или приобрѣтаются у русскихъ и зырянъ, причемъ характеръ ихъ вообще довольно разнообразенъ: то они представляются изъ себя пичто инос, какъ простыя дѣтскія игрушки, то нарочно по заказу сдѣланыя или купленыя на Ирбитской ярмаркѣ изображенія животныхъ, въ которыхъ боги, въ случаѣ необходимости, могутъ превращаться; такъ напримѣръ, въ Сома-паудѣ почитаютъ изображеніе гагары (*Colymbus Septentrionalis*) въ Аныевскихъ юртахъ—чайки (*Larus ichtyactus*), въ Тоболдинскихъ—лягушки, и т. д.; особенно почитается изображеніе коня, такъ какъ на-пень міръ сусна хумъ каждую ночь обѣзжаетъ всю землю и смотрить, все-ли въ порядкѣ.

Кромѣ боговъ главныхъ: корсъ-торумъ — родоначальника всѣхъ боговъ и яныхъ—торумъ или нуми-торумъ (иначе еще сойканъ-торумъ) съ его сыновьями, причемъ каждый изъ нихъ имѣть особенное назначеніе, существуетъ еще цѣлая плеяда второстепенныхъ, изъ которыхъ вѣкоторые являются богами личными, другие семейными и родовыми; поэтому около всякаго отдѣльного жилья и особенно около цѣлыхъ селеній всегда бываютъ особыя мѣста, посвященные чествованію того или другого бога, гдѣ приносятся жертвы и гдѣ хранятся его богатства. Въ подобныхъ мѣстахъ очень нерѣдко можно увидать не сколько высокихъ шестовъ, вбитыхъ въ землю и увѣличанныхъ на верху лоскутками, шкурками, блестящими бездѣлуш-

ками и тому подобными предметами. Шесты эти, изъ которыхъ средній самый высокій, посвящены какимъ-нибудь богамъ, причемъ средній всегда соответствуетъ яныхъ-торумъ, соседній справа сянь-торумъ и слѣва—міръ суснэ тумъ; другие шесты, ежегодно мѣняемые, посвящены другимъ богамъ; по бокамъ тянутся скамейки, между которыми въ землѣ есть помѣщеніе для варки пищи въ котлахъ; кругомъ валяются kostи, остатки трапезы, маленькия лопаточки, которыми ъдять, и т. д. Что-же касается до мѣста обитанія главныхъ боговъ, то оно у нихъ всегда находится въ опредѣленныхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются за нѣсколько сотъ верстъ инородцы, чтобы поклониться и сдѣлать извѣстнаго рода приношенія; но этимъ обыкновенно дѣло еще не ограничивается, такъ какъ существуютъ особые сборщики добровольныхъ даяній, которые, съ открытия навигаціи, спаряжаютъ лодки и ъдуть по Оби и ея притокамъ собирать шкурки и разные предметы въ пользу того бога, богатствами котораго они завѣдуютъ. Въ прежнее время, когда инородцы не были такъ испорчены, какъ теперь, тогда, дѣйствительно, все жертвуемое хранилось въ сараахъ, принадлежавшихъ тому или другому богу, гдѣ шкурки и другія подобныя вещи истлѣвали, а серебро и мѣдь оставались цѣлыми въ теченіе столѣтій; теперь-же большая часть жертвуемаго попадаетъ въ руки русскихъ и зырянскихъ торговцевъ, которые никогда не прочь купить по дешевой цѣнѣ старое серебро и новыя шкурки; обманъ жертвователей тѣмъ болѣе легокъ, что мѣстонахожденіе хранилищъ жертвуемыхъ вещей скрывается отъ всѣхъ и только одни сборщики да очень небольшое число постороннихъ лицъ знаютъ, гдѣ оно находится; въ послѣднее время вслѣдствіе указанной причины, вслѣдствіе общаго объединенія инородцевъ и вслѣдствіе тайного ограбленія зырянами и русскими, запасы подобныхъ хранилищъ стали очень малы, но было время, и даже не давѣе какъ въ пятидесятыхъ—шестидесятыхъ годахъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находили по сотнямъ разныхъ шкуръ и по десяткамъ пудовъ старого серебра; подобные запасы имѣли боль-

шое значение въ жизни инородцевъ въ случаѣ несчастныхъ происшествій какъ у отдельныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ родовъ, такъ какъ изъ нихъ можно было брать земообразно какое-угодно количество вещей съ тѣмъ, понятно, чтобы потомъ, при улучшепіи условій, все возвращалось обратно съ известнымъ увеличеніемъ. Они, такимъ образомъ, играли роль ссудныхъ учрежденій, освященныхъ только религіозными взглядами; говорить о пользѣ этого, конечно, излишне, и вотъ почему многія бѣдствія—падежъ скота, плохая охота, отсутствіе рыбы и звѣря, болѣзни, и т. д., прежде не имѣли такого пагубнаго значенія, какъ это наблюдается нерѣдко теперь.

Не смотря на известную простоту отношеній между богами и инородцами, выражавшихся, главнымъ образомъ, въ жертвоношенніяхъ, между тѣми и другими существуютъ посредники ввидѣ жрецовъ шамановъ, званіе которыхъ обыкновенно переходить по наслѣдству не только по мужской, но и по женской линіи. Прежде шамановъ было гораздо менѣе, чѣмъ теперь: такъ лѣтъ 80 тому назадъ на Сыгвѣ и Сѣверной Сосѣвѣ было только одинъ, который и разъѣжалъ съ мѣста на мѣсто, а теперь ихъ восемь. Эти шаманы представляютъ изъ себя, по мнѣнію инородцевъ, людей, болѣе угодныхъ богамъ, чѣмъ остальные, и просьбы которыхъ поэтому могутъ быть скорѣе удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще съ малолѣтства выказываютъ нѣкоторыя отличительныя черты сравнительно съ другими дѣтьми, что преимущественно выражается въ большей восприимчивости, въ большей впечатлительности и вообще въ большей нервиности; иногда они страдаютъ припадками падучей болѣзни, приступы которой однако объясняются общепіемъ съ богами; прежде, да даже и теперь иногда, между шаманами встрѣчаются люди искренно убѣжденные и вѣрующіе во все то, что они продолжаютъ во время припадковъ или въ другіе моменты своей жизни и смотрящіе на это, какъ на проявленіе божественной силы; но съ каждымъ годомъ число такихъ лицъ уменьшается и они замѣняются известными шарлатанами, которые, пользуясь довѣрчивостью

инородцевъ, обманываютъ ихъ, обираютъ и живутъ вслѣдствіе этого гораздо лучше остальныхъ людей своей народности, что, главнымъ образомъ, теперь выражается въ большемъ количествѣ выпиваемой водки. Между шаманами рѣдко встрѣчаются дряхлые старики, потому что имъ трудно было бы исправлять свои обязанности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ приношениі жертвъ, въ лѣченіи больныхъ, въ гаданіи и узнаваніи будущаго и воли боговъ; при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, если только присутствуетъ шаманъ, а иногда они бываютъ безъ него, онъ играетъ первенству ющую роль: убиваетъ жертвеннное животное, рѣжетъ его на части, собираетъ кровь, кормить изображенія боговъ, т. е. можетъ имъ губы кровью и ставить передъ ними на пѣкоторое время берестяныя или деревянныя чашки съ мясомъ, которое затѣмъ съѣдаетъ самъ же съ помощью присутствующихъ, и вообще онъ начинаетъ и оканчиваетъ торжество; здѣсь же происходитъ часто и гаданье о разныхъ вопросахъ, имѣющихъ значеніе въ жизни инородца—о количествѣ звѣря, птицы и рыбы, обѣ охотѣ, о лѣсныхъ пожарахъ, и т. д. На Оби у шамановъ бываютъ почти всегда помощники или ученики, которые продолжаютъ обыкновенно все то, что дѣлаетъ самъ шаманъ, но у маньзовъ этого нѣтъ. Жертвоприношенія бываютъ случайныя и постоянныя: первыя находятся въ зависимости отъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ и отъ большаго или меньшаго усердія инородцевъ, между тѣмъ какъ вторыя являются обязательными и совершаются обыкновенно: весною—передъ началомъ рыбной ловли; ранней осенью—послѣ ея окончанія; поздней, осенью передъ отправкой на зимнюю охоту и затѣмъ по возвращеніи съ нея, и въ другихъ, тому подобныхъ, случаяхъ.

При жертвоприношеніяхъ обыкновенно присутствуютъ только одни мужчины, а женщины нарочно удаляются подальше отъ священнаго мѣста, гдѣ совершается обрядъ; развѣ только жертва приносится дома, когда и женщинамъ разрѣшается оставаться. Жертвы состоять изъ оленей, а если есть какая-нибудь возможность достать лошадь, часто даже за большія деньги, то

изъ нея; послѣдняя жертва считается наиболѣе пріятной богу, да и самому инородцу, такъ какъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ богамъ собственно достается только запахъ да паръ отъ дымящейся крови и сочнаго мяса, а все остальное съѣдается самими жертвователями, для которыхъ лошадиное мясо представляетъ лакомый кусочекъ, тѣмъ болѣе пріятный и дорогой, что онъ бываетъ очень рѣдокъ: лошадей приходится приводить или изъ-за Урала, или съ средняго теченія Оби, что, понятно, соединено съ большими хлопотами и затрудненіями.

Жертвеннное животное, преимущественно бѣлаго цвѣта, (темнаго не любятъ боги) или душится, или рѣжется, или убивается просто ударомъ дубины по головѣ, причемъ нерѣдко бываетъ, особенно съ лошадьми, что ихъ еще живыхъ колютъ слегка ножами, собираютъ вытекающую кровь, пьютъ ее и это продолжаютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока животное не умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Если жертву—большею частью оленя—приносить въ жильѣ, то по стѣнамъ разѣшиваютъ шкурки, лучшая одежды, а олена мордой ставить къ нарочно вынутому изъ его постояннаго хранилища шайтану, (гдѣ-нибудь въ сараѣ, если онъ большой), котораго вносятъ и вы носятъ, какъ и покойника, не чрезъ дверь, а чрезъ окно или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе; если-же жертва приносится на воздухѣ, то на нее накидывается одежда, и въ томъ случаѣ, когда она общественная, а не частная, на шею животному набрасываютъ петлю, которую вѣтъ тянуть къ себѣ, чтобы показать, что и они принимаютъ участіе въ жертвоприношеніи; затѣмъ въ томъ случаѣ, если жертва приносится яныхъ-торумъ, то, по окончаніи всѣхъ приготовленій, вѣтъ громко вскрикиваютъ до трехъ разъ (когда жертву приносятъ другому богу, то этого не дѣляютъ) и при послѣднемъ разѣ животное бьютъ чѣмъ нибудь тяжелымъ, напримѣръ, обухомъ топора по головѣ—лошадь спереди, а олена сзади; передъ этимъ крикомъ и затѣмъ во второй разъ передъ Ѣдой мяса обыкновенно шаманятъ: просить о чѣмъ-нибудь или спрашиваютъ про что-нибудь.

При служебіи шаманы не надѣваютъ особаго костюма, а только имѣютъ на головѣ не большую шапочку ввидѣ колпака, сшитую изъ кусочковъ разноцвѣтнаго сукна, да въ рукахъ бубень, по которому по временамъ удариютъ особой палкой, обтянутой шкуркой какого-нибудь звѣрька; этотъ бубень дѣлается преимущественно изъ лосиной кожи, иногда изъ оленьей и даже собачьей, паянной въ сыромъ видѣ на обручъ, шириной въ два-три вершка и въ диаметрѣ до аршина и болѣе; сырая кожа при высыханіи плотно обхватываетъ обручъ, затѣмъ она еще слегка пришивается къ ободку къ которому прикрепляютъ еще кольца, цѣпочки, бубенцы и вообще разные предметы, издающіе звукъ; съ внутренней стороны вставляются вакресть двѣ палки, при помощи которыхъ бубень и держится въ рукѣ; при сильныхъ и быстрыхъ движеніяхъ, производимыхъ шаманами во время призыва боговъ, все погремушки гремятъ, самъ бубень, при ударѣ въ него, издаетъ отчетливый рѣзкій звукъ, особенно если предварительно его подержать нѣсколько времени надъ огнемъ; и вотъ эти-то звуки пріятны богамъ и на нихъ то они идутъ сообщать свою волю качающемуся часто подъ конецъ плясокъ въ судорогахъ шаману, который произносить въ это время несвязные звуки, съ благоговѣніемъ ловимые окружающими и дающіе имъ линій поводъ изощрять свою изобрѣтательность на ихъ истолкованіе и на прославленіе своихъ боговъ. Всего чаще призываются *міръ суснэ Хумъ*, какъ такой богъ, который завѣдуетъ всѣми людьми и который стоитъ къ нимъ ближе всѣхъ; для его призыва чаще всего пользуются почами, когда онъ совершає свой бѣздѣйствіе вокругъ земли; для этого въ жильѣ, гдѣ происходитъ гаданье, тушатъ огонь; шаманъ ударяетъ нѣсколько разъ въ бубень и затѣмъ все смолкаетъ и наступаетъ гробовая тишина, среди которой будто-бы явственно слышится конскій топотъ, оканчивающійся трескомъ, указывающимъ на входъ бога въ жилье, послѣ котораго вскорѣ все прекращается, и шаманъ, распростертый часто на полу, начинаетъ сообщать то, что ему говорилъ богъ; очень часто

передъ жилищемъ на это время предварительно ставится нѣсколько серебряныхъ или вообще металлическихъ тарелочекъ для того, чтобы божій конь могъ стоять не на голой землѣ или снѣгу.

Иногда обрядъ шаманства происходитъ такъ: шаманъ садится на переднее мѣсто, задомъ къ пароду, причемъ передъ собой никого не сажаетъ, береть топоръ и подвѣшиваетъ его остріемъ кверху за шиурокъ, протянутый отъ ручки до клинка, на согнутые четыре пальца правой руки и указательный—львой; начинаетъ качать его и потихиньку нашептывать, затѣмъ уже и объявляетъ волю бога; иногда вмѣсто топора употребляютъ ножъ, а лучше всего старинную шпагу.

Шаманить еще и такъ: берется небольшая скамейка, подъ нее кладется топоръ или ножъ, на нее ставится шкатулка съ богами и ихъ приношеніями и шаманъ приступаетъ къ нашептыванию и производству разныхъ движений около скамейки; чрезъ нѣсколько времени онъ заставляетъ того инородца, которому онъ шаманилъ, приподнять шкатулку; если она подымается въ первый разъ легко, во второй трудно, въ третій—еще труднѣе, а въ четвертый легко, то успѣхъ будетъ полный; если нѣтъ, то плохо. Кромѣ этого поступаютъ еще и слѣдующимъ образомъ: въ темную ночь, въ жилье какого-нибудь богатаго инородца собирается народъ—и мужчины, и женщины; шаманъ кладетъ металлическую доску на полъ, на нее стрѣлы съ желѣзными наконечниками и начинаетъ призывать бога, ударяя этими стрѣлами по доскѣ; чрезъ нѣсколько времени жилье содрогается, потолокъ около чувала расползается и является *миръ-сусна-хумъ*, который указываетъ на свое появленіе ударами стрѣль по доскѣ; иногда при этомъ онъ мучитъ шамана, и пастолько сильно, что онъ падаетъ замертво, причемъ стрѣлами бываетъ, будто бы, истыкано все его тѣло; зажигать при этомъ огонь нельзя, иначе обмершій, валяющійся въ судорогахъ, шаманъ обязательно умретъ и при томъ немедленно; разъ у одного шамана стрѣла прошла, по его рассказамъ, отъ сердца до пятокъ и онъ остался цѣлъ и невредимъ,

даже еще здоровье стала. Разъ во время осны у одного остика погибла вся семья и, наконецъ, онъ самъ захворалъ: призывасть онъ шамана, тотъ начинаетъ бить въ бубень, шептать что-то про себя, наконецъ начинаетъ плясать; вертится и кружится всю ночь, потомъ объявляетъ, что остикъ умреть, такъ какъ онъ не любить правды, и хотя на другой день больному стало лучше, такъ что онъ могъ даже разсказать, какъ у шамана, который въ одну изъ мѣнь гаданья ъль, изо рта лѣзли маленькие люди съ острыми головами, т. е. *Моэнкы*, но, дѣятельно, онъ всетаки умеръ. Насколько вѣрять въ той мѣстности разнымъ фокусамъ шамановъ можно видѣть, напримѣръ, изъ такого случая, переданного мнѣ нѣсколькими русскими, принимающими его за безусловную истину; разъ остикъ стала бороться съ русскимъ, его не побороль, а руку себя испортилъ; тогда въ тотъ-же день вечеромъ собрались шаманить и шаманили всю ночь; на другой день одинъ шаманъ приходитъ къ русскому торговцу и просить у него нѣсколько аршинъ разноцвѣтнаго сукна, какъ бы въ даръ богамъ, въ благодарность за то, что больной вполнѣ выздоровѣлъ, и хотя утромъ можно было видѣть, что больная рука насквозь проткнута во время шаманства узкимъ ножомъ, и что изъ раны шла обильная кровь, но вечеромъ не было и слѣда, не только крови, но и самой раны.

Званіе шамановъ довольно выгодно, немудрено поэтому, что есть не мало охотниковъ, которые не прочь сдѣлаться ими, но, какъ и уже говорилъ, званіе это болѣе или менѣе наследственно, а затѣмъ оно соединено съ нѣкоторыми обязанностями, которые, главнымъ образомъ, заключаются въ умѣніи продѣлывать разные фокусы и въ нервности натуры; между шаманами встрѣчаются такие, которые славятся на нѣсколько сотъ верстъ въ окружности и которые приглашаются, въ случаѣ необходимости, богатыми ипородцами.

Врачебная дѣятельность шамановъ сводится опять-таки къ призыванію боговъ, къ нашептыванію и даванію нѣкоторыхъ средствъ, про которыхъ установилось мнѣніе, что они

полезны. Въ настоящее время, когда существует медицинская помощь, хотя и слабая, ввидъ немногихъ докторовъ и фельдшеровъ, инородцы, вообще большіе любители лѣчиться, берутъ у нихъ всевозможные лѣкарства, особенно касторовое масло, хину, желѣзный купоросъ (для присыпки ранъ), свинцовую примочку (при болѣзни глазъ), и т. д.; но помимо такихъ средствъ у нихъ существуютъ и свои. При всѣхъ болѣзняхъ прежде всего обращаются къ шаманамъ съ просьбою узнать у боговъ, отъ чего то или другое лицо заболѣло, такъ какъ, по мнѣнию инородцевъ, всякая болѣзнь пасынается богами и есть признакъ ихъ недовольства тѣмъ человѣкомъ, который заболѣлъ; шаманы прежде всего заставляютъ присти какую-нибудь жертву, состоящую изъ оленей, одежды и шкурокъ, затѣмъ даютъ пить напечатанную воду, водку, кровь; мажутъ рыбьимъ жиромъ и оленымъ или, еще чаще, медвѣжьимъ саломъ; окуриваютъ бобровой струей или березовой и лиственничной накипью, трутъ медвѣжьимъ кликомъ, и т. д. Одни и тѣ-же средства употребляются, большою частью, при разныхъ болѣзняхъ; только когда болитъ желудокъ, тогда всегда даютъ внутрь съ водой или съ водкой порошокъ, наскобленный съ медвѣжьаго клика, или настой изъ лиственничной накипи, употребляемый также и при страданіяхъ грыжи; при сифилисѣ пьютъ настой, сдѣланный изъ одной травы—мось хумъ *саѣмъ*, растущей въ верховыхъ горныхъ рѣчекъ; при болихъ спинѣ и зубовъ натираютъ больныя мѣста медвѣжьимъ зубомъ и иногда посыпаютъ соскобленнымъ съ него порошкомъ; другихъ какихъ-нибудь еще определенныхъ средствъ не имѣется: всякий лѣчитъ и лѣчится по собственному усмотрѣнію.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое наряду съ пьянствомъ въ настоящее время является одною изъ главныхъ причинъ обѣденія инородцевъ, такъ какъ всякое призваніе бога, всякое гаданіе соединено съ большими настройство жертвоприношений затратами; тѣмъ болѣе, что шаманъ нерѣдко предъявляетъ боль-

шія трбованія: говоритьъ, что богъ требуетъ, напримѣръ, пять собольихъ шкурокъ, кусокъ краснаго сукна, пять фунтовъ мѣдныхъ украшений и тому подобныхъ вещей, т. с. больше или менѣе цѣнныхъ, или что онъ желаетъ получить въ жертву олена или лошадь съ какимъ-нибудь пятномъ на головѣ, спинѣ или ногѣ, и ииородецъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не исполнитъ приказанаго: пойдетъ въ работу, продасть все, что у него есть, но добьется своего и кола бoga или, мѣриѣ сказать, прихоть шамана будетъ исполнена; даже въ случаѣ смерти больна, го надъ которымъ шаманили, родственники умершаго считаютъ своимъ долгомъ нить всѣ предъзленія трбованій; если-же больной выздоравливаетъ и не въ состояніи сейчасъ же исполнить требуемой богами жертвы, то онъ дѣластъ изъ бересты изображенія олена, лошади и т. д., кладетъ ихъ въ свою шкатулку и держитъ ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока все не будетъ исполнено; тогда эти изображенія сжигаются. Что касается собственно до изображеній идоловъ, то, какъ уже было сказано, они дѣлаются изъ дерева, изъ металла и очень рѣдко изъ кости; идолы общественные, преимущественно, вырѣзаются въ деревьяхъ, продолжающихъ еще расти; идолы-же домовые и частные представляютъ изъ себя часто просто совершенно не обдѣланныхъ наложки, обернутыя шкурками или платками; въ посѣднис времи ииородцы стали пріобрѣтать у зырянъ и у русскихъ простыя дѣтскія игрушки и признавать ихъ за изображенія своихъ богоў въ настоящемъ ихъ видѣ или въ томъ, какой они иногда принимаютъ, являясь людьми и какой у нихъ былъ въ то время, когда они боролись между собой и съ разными богатырями и великанами. При такомъ превращеніи русскихъ игрушекъ въ изображенія ииородческихъ богоў не происходитъ какой-нибудь церемоніи, а просто вещь кладется въ ту шкатулку, где обыкноно хранятся священные предметы — изображенія богоў, одѣтыхъ каждый въ свою одежду, или въ свой платокъ, и этого вполнѣ достаточно для признания ихъ священными и для поклоненія имъ. При раскопкахъ ста-

рыхъ могилъ приходилось иногда находить маленькия литыя изображения фигуръ человѣческихъ, птичихъ и какихъ-то звѣриныхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя известны подъ названіемъ чудскихъ и которыхъ въ большомъ количествѣ находятся также въ Пріуральскомъ Краѣ, особенно въ его сѣверной части; по рассказамъ стариковъ, эти изображенія не дѣлались на мѣстѣ, а откуда-то привозились и почтагались какъ идолы.

По вѣрованіямъ Маньзовъ, на небѣ живутъ три бога, изъ которыхъ два имѣютъ золотые дома, расположенные выше облаковъ; имъ прислуживаютъ существа, подобныя людямъ, но никогда не бывавшія на землѣ. Главный богъ, родоначальникъ прочихъ—корсъ торумъ, видъ которого совершенно неизвѣстъ, такъ какъ изъ людей его никто не видалъ и если про него знаютъ кое-что, то это благодаря только другимъ богамъ, имѣющимъ довольно частыя сношенія съ землей; самъ онъ на землю никогда не сходитъ и только въ случаѣ необходимости послыаетъ своего старшаго сына—нуми торумъ, лмылъ торумъ или бойканъ торумъ посмотретьъ, что дѣляютъ люди и обо всемъ донести ему. Нуми торумъ, по наружности подобный человѣку, весь блестить, какъ золото, отъ роскошной одежды, но оружія при себѣ, какъ и его отецъ, никогда не имѣть; разъ въ мѣсяцъ, или не много рѣже, онъ спускается на бѣломъ конѣ на землю, осматриваетъ все, записываетъ, что дѣляютъ люди и затѣмъ свои наблюденія передаетъ для разбора своему младшему сыну-міръ суснэ хумъ; со своими просьбами люди чаще всего обращаются къ нему, особенно если это касается дожда, снѣга, холода и тепла; тогда онъ приказываетъ исполнить человѣческую просьбу своему младшему брату—сяхылъ торумъ, живущему постоянно на черныхъ облакахъ и никогда ихъ не покидающему; даже во время богослуженія, если шаманы его и видятъ, то все таки сидящимъ на тучахъ; сяхылъ торумъ, имѣя человѣческую наружность, разѣзжаетъ по облакамъ на оленяхъ съ мамонтовыми рогами (?) и возить на нихъ воду; если олени залѣнятъся, то онъ ихъ ударяетъ вожжей и такъ сильно, что свѣтъ

появляется, молния заблистасть, олени начинать рваться и при этомъ проливаются изъ бочки воду; онь жены ис имѣсть. У нуми торумъ семь сыновей, но дочерей, какъ и у корсъ торумъ, пять.

Про сыновей нуми рассказываютъ слѣдующее: когда они выросли, отецъ спустилъ ихъ съ неба, по они начали обижать жившихъ въ то время богатырей и многихъ изъ нихъ перебили; видить нуми, что дѣло не хорошо, спустился самъ съ неба, собралъ дѣтей и говорить имъ: «прѣзжайте завтра утромъ ко мнѣ и кто первый привяжетъ своего коня къ серебряному столбу, находящемуся у дома, тотъ будетъ старшимъ не только надъ людьми, но и надъ своими братьями». Самъ поднялся на небо, а на другой день раньше всѣхъ прѣхалъ самый младшій — міръ суснэ хумъ. Отецъ исполнилъ свое обѣщаніе и велѣлъ другимъ сыновьямъ почитать его за старшаго, а людямъ за главнаго руководителя и судью; сыну же приказалъ заботиться о людяхъ и стараться, чтобы они жили какъ можно тише. По прошествіи года нуми хотѣлъ посмотреть, какъ управляетъ его сынъ землею, спустился съ неба и видѣть, что всего у людей въ изобиліи и бѣдныхъ совсѣмъ пять. Не понравилось это ему и говорить онъ сыну: «Зачѣмъ ты даешь всого такъ много людямъ — они ни въ чемъ не нуждаются, а это не хорошо: они сдѣлаются гордыми и не будуть, въ случаѣ нужды, помогать другъ другу; пусть будетъ, напримѣръ, у одного манъза пять-шесть рыбъ, у другого — одна-двѣ; у одного русскаго — три-четыре чашки муки, у другого — одна-двѣ». Послѣ этого вернулся на небо, а міръ суснэ хумъ, вмѣсто того, чтобы дать пять-шесть рыбъ, далъ пять-шесть амбаровъ еи; вмѣсто трехъ-четырехъ чашекъ муки, — три-четыре громадныхъ мѣшкѣ; и зажили тогда люди еще лучше прежнаго и стали всѣ благодарить за это виновника своего благополучія. Во время смутнаго периода — борьбы другъ съ другомъ и богатырями — міръ суснэ хумъ принималъ въ минуты опасности видъ гуся и улеталъ; этимъ и объясняются такъ часто встрѣчающіяся среди священныхъ пред-

местоъ изображенія гусей, сдѣланія изъ золота, серебра или другого металла; обыкновенно-же у него видъ человѣка, имѣющаго на головѣ шапочку изъ разноцвѣтнаго сукна съ собольей, лисьей или другой какой-нибудь мѣховой оторочкой; онъ женатъ, имѣть дѣтей и его главнымъ мѣстопребываніемъ считается священное урочище около Троицкихъ юртъ на Оби, куда обязательно каждый ишородецъ въ три года разъ сѣзditъ, а если не можетъ, то присыпаетъ дары. Когда во время своихъ объездовъ міръ суснэ хумъ желаетъ спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставятъ для ногъ коня четыре металлическихъ тарелочки съ изображеніемъ перъдко солнца. Для оправданія себя въ неумѣренномъ пьянствѣ и нюханіи табаку, ишородцы теперь говорить, что міръ суснэ хумъ всегда имѣть въ правой рукѣ бутылку водки, а въ лѣвой табакерку; поэтому когда начинаютъ пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливаютъ стаканъ и ставятъ его временно на священную шкатулку; эту водку впослѣдствіи выливаетъ хозяинъ жилья; иногда часть водки выплескиваютъ и въ огонь, какъ даръ покровителямъ огня — маннъ-одыръ; покровителями огня вообще считаются нуми, его семь сыновей и сахыль торумъ.

Самый старшій сынъ нуми—это полумъ торумъ, живущій вмѣсть съ женой и дѣтьми на рѣкѣ Полумъ въ отлично выстроенному деревянномъ домѣ. Онъ завѣдуетъ рыбой, птицей и звѣремъ, какие только существуютъ какъ на этой рѣкѣ, такъ и на сѣйднихъ. Видѣть его, какъ и другихъ боговъ, могутъ только одни шаманы; наружность у него человѣческая, но прежде, вовремя борьбы, онъ принималъ видъ семивершинной березы, которая, въ воспоминаніе прошлаго, стоитъ и до сихъ поръ на Полумъ; къ ней на поклоненіе стекается ежегодно не мало маньзовъ.

Второй сынъ нуми — ась толахъ торумъ или ась яхъ торумъ—живетъ вмѣсть съ семьей въ морѣ, изъ котораго вытекаетъ Обь; у него тамъ построенъ хороший деревянный домъ; завѣдуетъ онъ всей обской рыбой, птицей и звѣремъ; во время

богослуженія шаманамъ представляется въ человѣческомъ видѣ, верхомъ на бѣлой лошади, безъ всякаго оружія, какъ вирочень и всѣ остальные боги; въ смутное-же время принимать наружность одной изъ чаекъ—*кари нѣрыхъ*.

Третій сынъ—*нѣръ ойка* или *нѣръ торумъ* живеть на Елбынь-нѣрѣ вблизи Елбынь-тура, т. е. священнаго озера, находящагося недалеко отъ истоковъ сѣверной Сосьвы при Малой Сосьвѣ; у него тамъ находится каменный домъ, въ которомъ онъ и проводить время вмѣстѣ съ женой—*нѣръ эва* и дѣтьми—*нѣрѣ наурамъ*; онъ считается хозяиномъ и покровителемъ оленыхъ стадъ и отъ него зависить, сколько кому ихъ дать; для лучшаго присмотра въ его распоряженіи находится множество прислужниковъ и пастуховъ, которыми до потопа (о немъ будетъ рѣчь дальше) были, какъ и у другихъ боговъ, богатыри, а теперь люди наименѣе грѣшные—угодные богу, сдѣлавшіеся совершенно чистыми послѣ смерти. *Нѣръ ойка* довольно часто подвергался нападеніямъ богатырей, такъ какъ онъ очень богатъ, но онъ отражалъ всѣ нападенія и многихъ убивалъ, такъ что нуми, узнавъ объ этомъ, запретилъ ему проливать кровь; тогда онъ сталъ всѣхъ превращать въ камень и до настоящаго времени на Уралѣ существуетъ еще семь каменныхъ изображений богатырей, пре вращенныхъ въ камень за ихъ дерзкое намѣреніе ограбить его стада. Изображеніе этого бога разъ въ три тода возить къ полулу *торумъ*, чтобы дать имъ возможность, какъ братьямъ повидаться.

Четвертый — *аутъя одыръ* живеть на обской губѣ при взморье, имѣть видъ щуки и завѣ дуетъ морской рыбой. Каждый годъ раннею весною онъ идетъ, принимая человѣческій видъ, на небо къ отцу и получаетъ отъ него приказаніе, сколько кому дать рыбы впродолженіе наступающаго года. Записавши сказанное, онъ возвращается назадъ, идетъ въ море, къ морскому царю — *витъ хонъ* и говоритъ ему, сколько онъ долженъ отпустить рыбы изъ своихъ владѣній; затѣмъ позднею осенью онъ отправляется самъ или посы-

ласть своихъ слугъ къ брату—ась *толахъ торумъ*,—живущему въ морѣ при низовьяхъ Оби, какъ о томъ уже было сказано, и спрашивается, вся-ли назначенная рыба поймана и, если не вся,—то отчего; отъ того-ли, что вырвалась изъ сѣти, изъ камги; подрыла-ли запоры или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ; тогда вся эта рыба, какъ предназначеннная уже къ поимкѣ, выбрасывается на берегъ.

Пятый сынъ—ась *торумъ* прежде имѣлъ свое мѣстопребываніе тамъ, гдѣ теперь въ Березовѣ находится Богородицкая церковь, но затѣмъ былъ перенесенъ на другую сторону рѣки. Въ смутное время, какъ и *аутъя одыръ*, онъ не воевалъ, хотя и обладаетъ способностью менять свой видъ—человѣческій на лебединый. Женатъ онъ на дочери великана, жившаго около моря при устьѣ Оби, причемъ эту свадьбу устроилъ его младшій братъ, называвшійся прежде *пуринане хурикъ хумитенъ*, а послѣ *тахътъ котль торумъ*, и принимающій, въ случаѣ необходимости, видъ ястреба. Дѣло было такъ: захотѣлось ась *торумъ* жениться, а жены достать себѣ не можетъ, тогда братъ и рѣшилъ ему помочь; превратился въ ястреба, захватилъ съ собою лебедя и полетѣлъ въ тотъ городокъ, гдѣ жила намѣченная невѣста; нашли домъ, познакомились съ отцомъ, понравились ему, стали пировать, а во время пира невѣста и убѣжала; они погнались за ней, а она спряталась въ городкѣ при устьѣ Казими; они туда, разрушили городокъ, но она успѣла перебѣжать въ другой—Полноватскій; разрушили и этотъ, но ее всетаки не нашли, такъ какъ она скрылась опять на Казими, только въ ея верховья, гдѣ и спряталась въ крѣпкомъ домѣ одного богатыря, имѣющаго семь сыновей; стала она ихъ уговаривать украсть у *тахътъ котль торумъ* его кольчугу, въ которой будто-бы у него и заключается вся сила; услыхалъ онъ это, разсердился,бросилъ съ себя кольчугу и все оружіе и въ одной рубашкѣ пошелъ къ дому, разломалъ его, схватилъ всѣхъ богатырей за волосы, сталъ ихъ бить, наконецъ, ударяя голова объ голову, всѣхъ перебилъ; остался

только одинъ отецъ, который, превратившись въ тетерева, полетѣлъ къ нуми просить защиты, но *тахытъ котль торумъ* догналъ его у порога отцовскаго дома и кричать отцу: «Отецъ, не отпирай, а то я окровавлю порогъ твоего золотого дома». Не отворили тетереву дверей, полетѣлъ онъ книзу, по ястребъ его догналъ и растерзаль; такъ и до сихъ поръ ястребъ терзаетъ тетерезей; послѣ этого невѣста была поймана и ее повезали съ собой домой, гдѣ и стали жить, только вскорѣ по приѣздѣ, *тахытъ котль торумъ* и говорить *аясь торумъ*: «Хотя я тебѣ и досталъ жену, но ты съ нею не справишься; дай — я ее поучу». Сдѣлалъ два толстыхъ и длинныхъ прута, одинъ желѣзный, другой свинцовыи, привязалъ ее къ двумъ столбамъ за голову и ноги и сталъ бить; билъ до тѣхъ поръ, пока все прутья не изломались; тогда полѣвали изъ нея всякия змѣи, лягушки, пауки, муравьи и много другихъ нечистыхъ существъ; послѣ этого онъ ее отвязалъ и передалъ брату, говоря: «Ну, теперь владѣй сю — она будетъ покойной женой, а то, еслибы я этого съ нею не сдѣлалъ, тебѣ съ ней не совладать-бы».

И дѣйствительно, послѣ этого она стала отличной женой и перестала обращаться въ сороку, что дѣлала прежде, особенно когда спасалась отъ преслѣдованій жениха. Кстати скавать, когда она перебѣгала изъ одного городка въ другой, то съ цѣлью привлечь на свою сторону мужчинъ, переходила каждую ночь изъ дома въ домъ и представляла себя въ полное распоряженіе хозяина жилья.

Въ виду того, что пясе *торумъ* даже жены себѣ не сумѣлъ достать, ему ничего и не дано въ управлѣніе, и онъ живеть, ничего не дѣлалъ, въ деревянномъ домѣ, расположенномъ въ лѣсистой мѣстности.

Что касается до ^{шестидесятъ} седьмаго сына нуми *торумъ тахытъ котль торумъ*, то про него рассказываютъ слѣдующее: на лѣвомъ берегу Сѣверной Соссы, въ верстахъ двадцати двухъ ниже Сартыни, была группа лиственничныхъ деревьевъ и здесь жилъ одинъ богатырь, по имени *тахытъ котль*

ойко, со своей женой; онъ былъ очень силенъ, но мирнаго характера и поэтому въ то время, когда другие богатыри дрались, онъ сидѣлъ дома и все работалъ въ своей кузнici топоры, ножи и другія металлическія вещи; за это его боярь и наградилъ: однажды пошелъ онъ ловить рыбу, поймалъ только одного налима, принесъ домой, разрѣзъ его, смотрѣть въ кицкахъ сидѣть живая лягушка; взялъ онъ ее, сталъ рассматривать, вдругъ она заплакала, какъ малый ребенокъ; догадался онъ тутъ, что дѣло не простое; устроилъ поскорѣе люльку, положилъ туда лягушку и сталъ вмѣстѣ съ женой кашать, и превратилась лягушка въ ребенка, который началъ такъ быстро рости, что въ три дня превратился въ большаго человѣка—въ сильнаго богатыря; былъ это никто иной, какъ сынъ нуми, называвшійся прежде *пурпанъ хуринъ хумитенъ*, а послѣ получившій по своему воспитателю название *Тахымъ котъ торумъ*. Не понравилось ему то мѣсто, где жилъ старикъ, перевезъ онъ его вмѣстѣ со старухой на другую сторону и построилъ деревянный городокъ, который сталъ называться *усъ ноль* (мѣсто это и теперь сохраняетъ свое старинное название). Узнали другие богатыри, что появился у нихъ новый соперникъ, собрались и рѣшили идти противъ него; всего было ихъ шестьдесятъ человѣкъ ишли они подъ предводительствомъ *туя хотанъ порхъ лу румате*; онъ всѣхъ ихъ перебилъ, отрубилъ имъ головы, снялъ, по обычаю богатырей, скальпы и положилъ ихъ тѣла поперекъ рѣки, оставивъ лишь небольшой проходъ для лодокъ, шириной 8—10 саженей, немнogo ниже впаденія Елбынъ-я; по прошествіи некотораго времени противъ него собрался войной мэнкѣль-дьяволъ, пришедшій съ моря, перебившій и сѣвшій уже не мало богатырей; онъ хвасталъ, что убить и *тахымъ котъ торумъ* и сядеть на его мѣсто. Испугался тотъ, пошелъ къ отцу — нуми и просить его помочь ему, а тотъ его спрашивалъ: «Чего-же ты такъ испугался?» «Да какъ не испугаться, когда онъ блестить, какъ золото, (а у него одежда была золотая) и когда онъ такъ многихъ перебилъ.» Ничего

не сказать ему отец и велъ идти назадъ. *Мэнкъ* подходитъ все ближе и ближе, и *тахытъ котль торумъ* все болѣе труситъ и опять началъ просить помощи у отца, наконецъ тотъ ему и говоритъ: «Если ты такъ боишься, то знай, что у *мэнка* въ груди подъ шеей есть кусочекъ человѣческаго мяса, туда и стрѣлай». Обрадовался онъ такому совету, взялъ лукъ, который у него былъ такой тяжелый, что его съ трудомъ могли нести восемь человѣкъ, натянулъ его и стала ждать приближенія *мэнка*. Когда тотъ, идя посерединѣ рѣки и смотря прямо впередъ, подошелъ довольно близко, *тахытъ котль торумъ* и закричалъ ему: «Ойка, посмотри, кто идетъ за тобой. «*Мэнкъ* повернулся голову и стала смотрѣть назадъ; этимъ воспользовался *тахытъ котль торумъ*, спустилъ тетиву и стрѣла съ страшною силою воинилась въ *мэнка*, который тутъ-же и упалъ, разсыпавшись на части. Умирая, онъ кричалъ: «охуръ, охуръ», и отъ крику его развердалась земля, потекла вода, положившая начало рѣчкѣ, которая до сихъ поръ зовется *охуръ-я*; одну его ногу унесло внизъ и она образовала у Собаклонть плесо—лугъ; его опояска пересѣкла Сосью и образовала двѣ рѣки, одна противъ другой, съ общимъ названіемъ — *энданъ оуль-я*; изъ дорожнаго мѣшечка—уля *сактасъ* сдѣлался повыше *энданъ оуль-я* островъ *уля хурыхъ тумпъ*; изъ ноженъ тоже островъ еще выше—*сыналь тумпъ*; изъ веревки, которой ножны прикреплялись къ поясу, островъ подъ названіемъ *сыналь порхъ куалыхъ тумпъ*, изъ сердца — *симъ тумпъ*, изъ туловища — *порхъ тумпъ*, изъ головы — *пуй тумпъ*; противъ *уля хурыхъ тумпъ* съ правой стороны течеть рѣка—люль *намъ-я*, которая въ устьѣ широка иносить название *кау-хурыхъ*, затѣмъ выше она совершенно прямая — *кокъ*, и наконецъ, образуетъ опять расширеніе *войзихъ*, за которымъ начинаетъ течь извилисто; недалеко отъ Собаклонть справа есть озеро — *люль намъз туръ*, которое представляется изъ себя чрезо *мэнка*.

Вслѣдствіе всего сказаннаго понятно, почему это мѣсто до сихъ поръ почитается настолько, что женщины не могутъ

даже туда юдить. Во время юзы сюда на поклонение, спать, хотя бы и въ продолженіе трехъ дней, не дозволяется; по пріѣздѣ на мѣсто привезенные вещи отдаются шайтанщику,— хранителю вещей шайтана, сдѣланаго въ честь *тахымъ* копъ *торумъ*, причемъ онъ одинъ уже и относить иль въ амбary, окруженные настороженными луками и канканами, такъ что незнающему человѣку пройти тамъ, не рискуя ежеминутно разстаться съ жизнью, невозможно; въ одномъ изъ амбаровъ хранится и самъ шайтанъ, имѣющій видъ грубо-обтесанаго человѣка, богато разукрашенаго разными блестящими и гремящими предметами; подальше иемного отъ амбаровъ есть дерево, кругомъ обставленное желѣзными стрѣлами, и всякий инородецъ необходимо долженъ принести въ жертву хотя одну стрѣлу и вѣсколько денегъ. Проехая мимо этого мѣста, особенно противъ Елынь-я, въ воду всегда бросаютъ деньги; здѣсь можно только грести веслами, но не отпихиваться шестами или тянуться бичевой; если-же вслѣдствіе бури лодка засядетъ на каменной косѣ — ахтысь уръ, представляющей изъ себя вообще могильную память, поставленную *тахымъ* копъ *торумъ* надъ монквомъ для того, чтобы память объ этомъ сохранилась на вѣчныя времена, то въ воду бросаютъ для умилостивленія котелъ, а также что есть изъ сѣстныхъ припасовъ.

Успѣхъ надъ монквомъ сдѣлалъ то, что *тахымъ* копъ *торумъ*, носящій также название *магаръ торумъ* и *матармыль олне торумъ*, сталъ сильно бить богатырей и настолько полюбилъ войну, что сталъ являться вездѣ, гдѣ только была драка, и, наконецъ, его стали приглашать въ видѣ союзника почти во всѣхъ войнахъ; это разсердило отца и онъ велѣлъ ему быть ниже всѣхъ братьевъ и ничѣмъ не завѣдывать кроме мѣсть, расположенныхъ вблизи его деревяннаго жилья, въ которомъ онъ живеть съ женой и дѣтьми.

Про самого младшаго сына — міръ *суснэ хумъ*, мастера или лоа *нырысь*, мы уже говорили.

Про сыновей нуми мнѣ приходилось слышать не разъ такой разсказъ: когда нуми спустилъ ихъ на землю, то, про пропастьи нѣкотораго времени, младшіе братья стали замѣчать, что старшій изъ нихъ полуумъ торумъ началъ какъ-то задумываться; имъ это показалось подозрительнымъ и они приступили къ нему съ разспросами, отчего это и пѣдумаетъ ли онъ ихъ перебить. Онъ отвергъ такого рода предположеніе, указавъ на то, что они ему кровные братья, но сознался, что ему хочется воевать; такъ какъ безъ позволенія отца онъ этого сдѣлать не могъ, то обратился къ нему съ просьбой, но получилъ отказъ; такъ повторилось еще два раза, хотя въ послѣдній разъ, онъ выставилъ причину, что необходимо достать невѣсту для асъ толахъ торумъ; тогда онъ рѣшился съ асъ толахъ торумъ идти потихонько на одинъ татарскій городокъ, расположенный на Иртышѣ немногого ниже Демьянска, гдѣ у богатыря была дочь; этотъ городокъ былъ такъ расположень и такъ укрѣпленъ стѣною, что бѣлка не могла взойти; тѣмъ не менѣе они всетаки при помощи желѣзныхъ когтей влѣзли, убили богатыря, но дочь его въ это время такъхватила за волосы асъ толахъ торумъ, что почти всѣхъ вырвала; разсердился на это полуумъ торумъ, взялъ ее за плечи и бросилъ въ Иртышъ, говоря: «Будь ты проклята, превращайся въ сорогу-сырка (*Salmo Vimba*) и питайся съ этихъ поръ лишь жидкими и твердыми человѣческими испражненіями». Послѣ этого вернулись домой и оставшіеся братья и спрашиваютъ, гдѣ невѣста. «Куда отдали учить, чтобы умнѣе и хитрѣе была», отвѣчалъ полуумъ-торумъ, но послѣ прибавилъ: «Нѣть, это я шучу—она Ѣдетъ на лодкѣ вмѣстѣ со своимъ приданымъ позади насъ». Братья, конечно, ея не дождались и все объясняли тѣмъ, что она утонула, что было, конечно, очень выгодно для полуума и асъ толахъ, иначе пришлось бы имъ не мало скориться съ братьями, которые желали имѣть невѣстку.

Жена нуми и мать всѣхъ его семи сыновей называется сянь торумъ или камысь торумъ. Послѣ того какъ она по-

дарила своему мужу шесть сыновей, онъ сталъ замѣчать, что она начала вести жизнь въ хорошую и близко сошлась съ однѣмъ изъ небесныхъ прислужниковъ; разсердившись на это, онъ бросилъ ее на землю и она при паденіи родила міръ сусне хумъ. Упала она въблизи Калтысъанскихъ юртъ, гдѣ и поселилась, воспитывая своего сына, который затѣмъ перешелъ въ Троицкія юрты. Въ наказаніе за дурное поведеніе нуми запретилъ ей подыматься на небо и рѣшилъ самъ къ ней неѣздить, но, помня ея прежнюю хорошую жизнь, онъ поручилъ ей слѣдить за родами и назначать по собственному выбору, кому жить много, кому мало, кому быть богатымъ, кому бѣднымъ; вообще, поручилъ ей слѣдить за будущностью каждого человѣка отдельно; вслѣдствіе этого ее въ высшей степени почитаютъ и къ ней на поклоненіе прїезжаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ; для облегченія ея занятій, нуми разрѣшилъ ей имѣть писарей, которые записывали-бы все, что только она говорить; она имѣеть видъ старухи въ собольей жгушкѣ, покрытой шелковымъ платкомъ; своей наружности она никогда не меняетъ и изъ своего мѣсто пребыванія никуда не выѣзжаетъ.

Кромѣ этой богини признается еще одна женщина—дочь одного изъ богатырей, именно тахытъ котль ойка; сводная сестра тахытъ котль торумъ, живущая около Хонглосанскихъ юртъ и особенно почитаемая за то, что, будучи очень доброй, она всегда заступается за людей и ходатайствуетъ за нихъ передъ сянь торумъ и міръ сусне хумъ; разъ въ три года ей приносить жертвы съ просьбой не забывать человѣческаго рода и не оставлять его своимъ заступничествомъ. Про нее рассказываютъ, что за ней разъ погнался одинъ богатырь съ Оби, хотѣль ее поймать и взять себѣ въ жены; она была на оленяхъ, онъ—тоже; вдругъ онъ видитъ, что оленій слѣдъ прекратился и замѣнился соболинымъ, потому горностасъ вымъ и такимъ запутаннымъ, что много надо было труда разобраться въ немъ; догадался онъ, что все это дочь тахытъ котль ойка путаетъ; не отсталъ, напалъ на мѣрный слѣдъ и

онъ его привель къ лиственицѣ, гдѣ въ корнѣ онъ замѣтилъ небольшое отверстіе; сталъ окапывать дерево со всѣхъ сторонъ, обрѣзаль всѣ корешки, но ничего не нашелъ; такъ и вернулся ни съ чѣмъ; а она, оказывается, превратилась въ жучка и забилась между корнями, онъ не замѣтилъ ее и выбросилъ. Послѣ этого она прияла свой обычный видъ и поселилась на постоянное жительство въ Хонглосанахъ.

Про сянь торумъ разсказываютъ слѣдующее: когда она упала на землю и поселилась на ней, ей для услугъ былъ данъ бѣлый воронъ, котораго она ежедневно посыпала смотрѣть, что дѣлается кругомъ, причемъ запрещала ему что-нибудьѣсть въ дорогѣ; разъ онъ долго не возвращался домой и когда прилетѣлъ, то сянь-торумъ увидала, что онъ изъ блага превратился въ чернаго. Стала его разспрашивать и оказалось, что онъ по дорогѣ встрѣтилъ падаль и наѣлся ея; тогда сянь-торумъ прогнала его, прогнала отъ себя и сказала, чтобы онъ всегда пользовался только случайными находками и питался-бы постоянно падалью, отъ чего онъ никогда не будетъ жиренъ и мясо его будетъ самымъ плохимъ изъ всѣхъ существующихъ птицъ. По мѣрѣ того какъ міръ сусло хумъ подрасталъ, онъ все чаще и чаще сталъ приставать къ матери съ просьбой отпустить его поискать себѣ противника; мать его убѣждала подождать еще немного и хотя онъ соглашался, но такъ сердился, что при ходѣ отъ половицъ отскакивали щепы, изъ которыхъ свободно можно было дѣлать блюда и чашки.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ, вышелъ потихоньку изъ дома, подошелъ къ одному мѣсту, гдѣ росъ старый лиственничный пень громадныхъ размѣровъ, толкнулъ его и изъ подъ него выскочилъ конь необыкновенной красоты и силы; тотчасъ-же вскочилъ на него и побѣжалъ кругомъ земли, объѣхалъ ее всю въ семь дней, вернулся домой и сталъ рассказывать матери, что онъ видѣлъ многихъ богатырей, многихъ изъ нихъ побилъ и что ему теперь хочется сѣздить на небо; для этого онъ отправился къ богатырю-кузнецу *тахымъ котль-ойка* и просилъ его придѣлать къ его лошади семь крыльевъ; тотъ

исполнилъ его просьбу и съ этихъ поръ *міръ суснэ хумъ* стала летать по воздуху, небу, но добраться до неба ему не удалось: благодаря семи крыльямъ, полстъ лошади былъ очень неровенъ и она скоро себѣ попортила ихъ всѣ, такъ что ему кое-какъ удалось добраться опять до кузнеца, который поправилъ испорченныя крылья, а въ другой лошади, отнятой *міръ суснэ хумъ* у одного богатыря, придалъ уже восемь крыльевъ. На ней онъ побѣжалъ снова осматривать все, что только существуетъ во вселенной. Пробѣжаетъ онъ чрезъ одно мѣсто, видитъ стоять куча людей, больныхъ, изможденныхъ, плохо одѣтыхъ и спрашиваетъ у коня, что это такое. «Это—разныя болѣзни, насыпаемыя на людей». Побѣхали дальше: вдругъ *міръ суснэ хумъ* стала замѣчать, что шерсть у его коня подымается, что онъ начинаетъ спотыкаться и не мчить уже такъ легко впередъ, какъ это было раньше; затѣмъ впереди стала слышаться какой-то шумъ, который тѣмъ ближе, тѣмъ все болѣе и болѣе стала походить на трескъ деревьевъ и на хлестанье вѣтвей. Наконецъ, конь остановился и спрашиваетъ своего сѣдока, знаетъ ли онъ, что дѣляется впереди, и на его отрицательный отвѣтъ сказалъ: «здѣсь мѣсто, гдѣ наказываются люди, желающіе вредить другимъ; люди, которые завидуютъ сосѣдямъ и дѣлаютъ имъ разныя обиды; которые губятъ своихъ родныхъ и не помогаютъ въ несчастии; здѣсь стоять три листвицы, которые съ страшною силой хлещутся одна съ другой и между ними стоять наказываемы; если хочешь, побѣдѣмъ впередъ, только держись крѣпло и закрывай плотнѣе голову.» *Міръ суснэ хумъ* согласился, конь помчался съ быстротою вѣтра, проскочилъ опасное мѣсто и остановился. *Міръ суснэ хумъ* открылъ голову, оглянулся и увидалъ, что на хвостѣ у лошади остались части туловища одного русскаго и одного маньза, которые въ это время подвергались наказанію, остальное осталось между деревьями. Послѣ этого они побѣхали дальше и скоро приблизились къ одному дому, двери которого охранялись медвѣдемъ и волкомъ; звѣри эти знали, кто съ какимъ намѣреніемъ проходитъ мимо

и поэтому однихъ, идущихъ съ какой-нибудь злой цѣлью, терзали, а другихъ свободно впускали въ домъ и даже очищали имъ одежду. Такъ-же ласково пропустили звѣра и *міръ сусне хумъ*, но въ домѣ встрѣтившая его женщина стала браниться, что онъ испачкаетъ ее жилище и что ему необходимо прежде всего отправиться въ баню; онъ согласился и пошелъ. Баня была мѣдная и раскаленна до красна, а вѣнки желѣзные. Не хотѣлось *міръ сусне хумъ* отказаться отъ своихъ словъ, вошелъ онъ въ баню и сталъ париться, прося мысленно мать выручить его изъ бѣды; она ему помогла, не замѣтилъ онъ сорешенно жару и такъ парился, что даже не мало листиковъ отскочило отъ желѣзныхъ вѣниковъ. Вернулся чистый, по хозяйка, страшно удивленная его спасенiemъ, закричала, что сколько времени она ни живетъ, никогда ничего подобнаго не видала, по что всетаки она его не выпустить изъ дома; ушла и заперла его. Тогда лошадь сообщила ему чрезъ дверь, что въ заднемъ углу дома есть за постелью дверь, которая ведетъ въ подземелье, гдѣ хранится у хозяйки красавица-дочь; пускай онъ се возьметъ, затѣмъ выломаетъ подъ окномъ три бревна и выходитъ на волю; все такъ и было сдѣлано, и *міръ сусне хумъ* съ красавицей быстро вскочилъ на коня и помчался впередъ; проѣзжая чрезъ лѣсъ, *міръ сусне хумъ*, по соѣту самой лошади, надѣлъ ей на переднія, заднія ноги и на морду берестяные колпаки, которые впослѣдствіи оказались очень полезными. Мать, вернувшись домой и не найдя ни дочери, ни плѣнника, погналась за ними въ погоню; первый разъ когда она ихъ догнала, онъ схватила коня за заднія ноги, но онъ вырвался, оставилъ въ ся распораженіи только бересту; во второй разъ—за переднія ноги, въ третій—за морду, но вездѣ повторялось то-же самое. Но этимъ погоня не кончилась; тогда конь говорить своему хозяину, иѣть-ли у него чего-нибудь въ рукахъ; тотъ не догадывается, и такъ до трехъ разъ; наконецъ сообразилъ, что у него плеть, ударилъ ею коня и онъ помчался выше лѣсу и далеко оставилъ за собою погоню. Сказать слово «плеть» лошадь не могла—запрещено

богомъ. Быстро подвигаясь впередъ, они добрались до потока, наполненного кипящей смолой, гдѣ, по словамъ лошади, мучились люди, умершие искусственной смертью и предупредившіе такимъ образомъ волю бога; на берегу потока похищеннія дѣвушка, которая успѣла уже полюбить своего похитителя, превратилась въ волосокъ (а она умѣла принимать разные виды), чтобы коню было легче черезъ него перепрыгнуть; миновавъ благополучно потокъ, они двинулись впередъ. Вдругъ впереди ихъ показался огонь, объѣхать который было нельзя; по конь говорить, что бояться нечего; пусть только онъ себя и дѣвушку покроетъ одеждой и не смотрить на то, что лѣдается кругомъ; такъ и было исполнено; только чувствуетъ *миръ сусна хумъ*, что ониѣ ѣдутъ и все конца вѣтъ; тогда онъ потихоньку открылъ голову и тотчасъ же ее спряталъ, такъ какъ увидалъ, что они мчатся по огненному морю; наконецъ, чрезъ семь дней это путешествіе кончилось и они вздохнули свободно. Огонь этотъ сѣверное сіяніе—сизъ *най тѣхъ* или *торумъ най тѣхъ* виденъ и до настоящаго времени и такъ какъ *миръ сусна хумъ* съ конемъ были благо цѣлта, то поэтому въ немъ и замѣчаются бѣлые полосы. Послѣ этого они подѣхали къ морю, гдѣ у самаго берега замѣтили дверь, ведущую въ подводное царство. Конь посовѣтовалъ *миръ сусна хумъ* оставить дѣвушку съ нимъ, а самому спуститься къ морскому царю—*ситъ хонъ* (домъ былъ его); во лишь только онъ услышитъ стукъ въ дверь, такъ необходимо немедленно оттуда уходить, иначе морской царь наастить на него разныхъ морскихъ чудовищъ. Входить онъ въ домъ, изумился царь, никогда къ нему до того времени никто не приходилъ,—и спрашиваетъ его, что ему надо; на это *миръ сусна хумъ* отвѣтилъ, что онъ осматриваетъ всю вселенную и между прочимъ заѣхалъ въ его царство. Тогда сталь *ситъ хонъ* показывать ему свои богатства, наконецъ, отворилъ окошко и изъ него можно было увидать всѣхъ морскихъ рыбъ и чудовищъ. Въ это время послышался лошадинный стукъ и *миръ сусна хумъ*, говоря, что ему необходимо посмотреть коня, быстро

поднялся наверхъ, вышелъ на свободу, сѣлъ на коня и поскакалъ домой, осмотрѣвъ такимъ образомъ вселенную и добывъ себѣ невѣсту.

Вернувшись домой, онъ увидаль свою мать очень драхлой старухой, потерявшей зрѣніе и память на столько, что она его даже не узнала. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ въ грудь и она превратилась опять въ молодую, но настолько небольшаго роста, что кисти ея платка касались полу; тутъ она его признала, очень обрадовалась, что онъ вернулся изъ своего долгаго отсутствія и велѣла ему готовиться къ новому путешествію на небо къ отцу — нуми, чтобы получить отъ него власть надъ землей и надъ всемъ живымъ. Дѣйствительно, скоро нуми, утомленный постоянными распрами и ссорами, происходившими между его сыновьями, какъ обѣ этомъ уже было сказано, велѣлъ всѣмъ имъ явиться къ нему. Получивъ такой, приказъ *миръ суснэ хумъ* лѣгъ, по совѣту матери, немедленно спать, затѣмъ она его разбудила, когда еще заря не потухала и велѣла немедленно лѣтѣть на своей 8-ми крылатой лошади, уже вполнѣ готовой, на небо; онъ такъ и сѣдалъ и явился первымъ къ дому отца, отъ чего и получилъ первенство надъ братьями, которыхъ онъ встрѣчалъ уже на обратномъ пути. Когда братья узнали о совершившемся, то стали негодовать на *миръ суснэ хумъ* и особенно старшій *полумъ торумъ*, который по праву разсчитывалъ занять первенствующее мѣсто; поэтому онъ отправился къ *миръ суснэ хумъ*, сталь прежде всего его бранить, а послѣ началь и драться; узнавъ про это, нуми немедленно послалъ своего крылата прислужника — *тоуль одыръ* — ихъ разнять и убѣдить *полума* помириться со своей судьбой. Слова *тоуля* не произвели никакого впечатлѣнія и тогда онъ предложилъ имъ порѣшить свою ссору такимъ образомъ: взять самую сильную и быструю лошадь, связаться другъ съ другомъ волосами, перекинуться чрезъ сѣло и поскакать; кто прежде устанетъ и застонеть отъ боли, тотъ и долженъ уступить; они согласились, сѣдали все такъ, какъ было условлено, и побѣдителемъ изъ этого

вышелъ мірѣ сусна хумъ; дѣлать полуму было нечего и онъ призналъ старшинство брата; хотя еще два раза пытался съ нимъ бороться, но опять безуспешно.

Послѣ этого мірѣ сусна хумъ вернулся домой, гдѣ нашелъ мать снова сильно постарѣвшей, а домъ совсѣмъ обвалившимся; въ чувалѣ-же догорада послѣдняя искра и не было принасенныхъ дровъ; при входѣ въ домъ, сынъ сильно хлонулъ дверью, отъ этого и послѣдняя искра потухла: не узала его сянь торумъ, стала бранить, а онъ взялъ ее на ладонь, дунулъ и сдѣлалась она молодой и красивой; увидала тогда, кто передъ ней, стала его цѣловать и радоваться его счастью, когда онъ ей все рассказалъ. Посовѣтовала она ему кромѣ одной жены взять еще нѣсколько, чтобы имѣть побольше сыновей, которые помогали бы ему управлять землей; онъ послѣдовалъ ся совѣту, взялъ трехъ богатырскихъ дочерей и прижилъ съ ними семь сыновей. Стали обращаться къ нему разные народы съ просьбой прийти и поселиться съ ними; самъ онъ отказывался исполнить ихъ просьбы, а посыпалъ вмѣсто себя своихъ сыновей, но ихъ не хватило, а просить продолжаютъ, тогда онъ, по совѣту матери, послалъ въ одно мѣсто свою шапку, въ другое—рукавицы, въ третье—опояску, чтобы эти вещи постоянно напоминали людямъ объ его существованіи и только тогда, когда къ нему обратились бѣдные манзы, онъ согласился на ихъ просьбу и перешелъ туда, гдѣ теперь Троицкія юрты. Заботясь о людяхъ, онъ отправился къ морю сказать птицамъ, чтобы онъ для приплода пристали въ сѣверныя мѣста и сдѣлалъ у нихъ царемъ лебедя, а княземъ орла; людямъ-же показалъ устройство перевѣса, которымъ они пользуются и теперь, особенно во время зесеняго и осенняго пролета; только первый разъ, когда птицы прилетѣли, онъ хотѣлъ повернуть съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться: люди сдѣлали перевѣсъ на столько большой, что ни одной птицѣ нельзя было пролетѣть; подлетаетъ орель, спрашиваетъ змѣю, не слыхала-ли она отъ людей, сколько дней думаютъ они держать такой перевѣсъ. «Семь», отвѣчала

змѣи; на другой день прилетаетъ лебедь, затѣмъ на третій — гусь, на четвертый — гагара, которой кое-какъ удалось перелетѣть чрезъ перевѣсъ, на пятый — утка; ей отвѣчать змѣи, что осталось всего два дня, но что гагара уже пролетѣла и что люди, утомившись ждать, перестали такъ зорко слѣдить, какъ это было раньше; дѣйствительно, птицы вѣсъ собрались и большая часть изъ нихъ свободно перелетѣла приготовленную западню, и такъ какъ мѣста, куда они пошли, были хороши, то они и рѣшили ежегодно сюда возвращаться.

Рассказанное сейчасъ преданіе о мѣрѣ сусна хумѣ считается сказаниемъ священнымъ — елбынъ мойдъ, слушать которое женщинамъ нельзя, а мужчины къ нему должны относиться съ самыми большими вниманіемъ, иначе невнимательного слушателя постигнетъ какое-нибудь наказаніе; рассказчику за это всегда что-нибудь даютъ изъ припасовъ и стараются доставить всевозможные удобства; несмотря на сравнительную несложность и краткость рассказа встрѣчается весьма мало Маньзовъ, которые знали бы его вполнѣ, большую же частью ограничиваются лишь одними отрывками.

Царствомъ тѣней, царствомъ мертвыхъ завѣдуетъ куль одыръ или просто куль — дьяволъ, про которого, какъ и про мэнквъ — лѣшаго — рѣчь будетъ впереди; теперь достаточно сказать только то, что мэнковъ, изображаемыхъ обыкновенно въ видѣ людей высокаго роста, съ остроконечной открытой головой, съ волосами, обстриженными по-русски въ скобку и безъ малайшей растительности на лицѣ, теперь, по утвержденіямъ ино-родцевъ, стало гораздо меньше, чѣмъ было раньше, что можно объяснить появленіемъ огнестрѣльного оружія, котораго мэнквы, особенно заряженаго мѣдными пулями, боятся больше всего. Мэнквы могутъ по своему произволу принимать различные виды, постоянно менять ихъ, и этой способностью обладаютъ не только они сами, но и ихъ жены и дѣти. Они часто нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, сѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большие лиственничные дома, построенные обыкновенно въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, окруженнныхъ не-

проходимыми болотами; здесь у нихъ и сено хранится медвѣжьихъ шкуръ, которая и служить имъ постелью; иногда мэнкес ограничиваются только тѣмъ, что пугаютъ; такъ напримѣръ, мыъ рассказывали одинъ изъ маньзовъ, что онъ передъ поездкой въ дальній лѣсъ видѣлъ сонъ, предупреждающій его о грозящей ему со стороны мэнкса опасности; онъ на это не обратилъ никакого вниманія, побѣхъ, достигъ мѣста только къ ночи, развелъ огонь и пошелъ на рѣку за водой; тутъ его точно ледяной струей окатили, руки отказались почему-то сразу служить; онъ испугался, вернулся назадъ къ огню; вдругъ слышитъ по лѣсу раздаются тяжелые шаги, деревья трещать, сучья ломаются, вѣтеръ началъ свистѣть. Оробѣлъ маньзъ, а тутъ еще увидалъ, что прямо на него идетъ мэнкес въ своеобразномъ видѣ, только настолько высокаго роста, что головой былъ выше всѣхъ деревьевъ; поглядѣлъ онъ на иллородда, страшно захохоталъ и повернулся назадъ; не помнить дальше рассказчикъ, что съ нимъ было, очнулся только къ утру, и то не надолго, заболѣлъ и пролежалъ въ горячкѣ болѣе двадцати дней; хорошо еще, что мимо проходили товарищи и захватили его съ собой, а то пришлось бы съ голоду умереть. Кроме мэнкесовъ въ лѣсу еще водятся уччи съ собачими когтями на рукахъ и ногахъ и съ собачими клыками, и мисъ хумъ съ женой—мисъ же и съ дѣтьми—мисъ наурамъ, созданные ними въ одинъ день съ мэнкесами. Мисъ хумъ имѣетъ человѣческій видъ, только очень высокаго роста, выше дерева, и съ громадными бровями; если какая-нибудь изъ его дочерей (а у него ихъ много) зайдетъ къ кому-нибудь изъ мужчинъ и сдѣлается на время его женой, то онъ въ короткое время сильно разбогатѣтъ, такъ какъ ему все паче удаваться (съ этой целью собственно и созданъ мисъ хумъ тотчасъ-же послѣ неожиданнаго, какъ мы увидимъ ниже, сотворенія мэнкса); во время прихода дочери къ временному мужу ее никто изъ постороннихъ не видитъ и въ это время въ домѣ не должно быть ни одной женщины, а то она обидится и немедленно уйдетъ.

Въ водѣ живеть кромѣ симъ лохъ — морскаго царя, про котораго мы уже говорили, еще симъ куль; онъ посланъ съ неба въ воду нуми еще въ то время, когда жили богатыри; живеть онъ обыкновенно въ заводахъ и питается исключительно землей, чтобы ее облегчать, для чего онъ и посланъ; что-же касается до симъ лоха, живущаго въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби, гдѣ у него построенъ золотой домъ, то его послать нуми съ неба послѣ сотворенія рыбы, чтобы онъ слѣдилъ, сколько у какой рыбы будетъ икры и чтобы отпускать необходимое ея количество на потребности человѣка.

На этомъ мы и покончимъ разсказъ о богахъ и скажемъ нѣсколько словъ про богатырей, имена которыхъ памъ приходилось не разъ уже упоминать. Богатыри — похатуръ или одыръ (оба слова, призваваемые маньзами за свои) и великаны прежде жили на небѣ и прислуживали богамъ; они были долговѣчны — ихъ жизнь продолжалась до 300 — 400 лѣтъ; какъ они созданы, свѣдѣній рѣшительно неѣ никакихъ; затѣмъ, когда ихъ стало много, они были спущены на землю; адѣсь они начали бороться и драться между собою — гласнымъ образомъ, изъ-за женщинъ — и довели дѣло до того, что разсерженный нуми устроилъ потопъ, во время котораго они всеѣ и погибли. Послѣ потопа хотя и были богатыри, но это вновь спущенные съ неба. Жили они или отдельными семьями, или цѣльными селеніями, причемъ дома устраивали изъ камня и изъ земли; они отличались громадной силой и, убивая своихъ противниковъ, всегда ихъ скальпировали, чтобы всеѣ могли видѣть, сколько каждый изъ нихъ убилъ враговъ; говорили они по обски, такъ какъ въ ихъ время еще изыка маньзовъ не было — онъ появился послѣ потопа. Убивъ врага, они всегда съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожиль. Память о богатыряхъ жива до сихъ поръ и многіе изъ нихъ почитаются, особенно тѣ, которые умерли своею смертью, а не погибли во время потопа или не окаменѣли: нѣкоторые изъ нихъ были превращены въ камень за свое безбожіе и за дерзостное на-

мъреніе падать на боговъ. Многіе изъ родовыхъ и семейныхъ боговъ — ничто иное, какъ именно эти богатыри, признаваемые почему-либо покровителями; и первые шайтаны — нубы, по преданію, сдѣланы самими богатырями, которые приказали имъ дѣлать и на будущее время въ воспоминаніе давно минувшихъ временъ; приказанія эти переданы людямъ нѣкоторыми богами, которые строго смотрѣть за ихъ исполненіемъ. Про богатырей существуетъ масса преданій, которыхъ я не буду здѣсь приводить; ограничусь только разсказомъ, объясняющимъ появление словъ *мось хумъ* и *порхъ хумъ* и нѣкоторыми другими. Разъ богатыри, вернувшись съ охоты, только что расположились Ѣсть убитую дичь, какъ видѣть, что на нихъ идетъ множество другихъ богатырей; часть ихъ испугалась, бросилась бѣжать, но, не желая разставаться съ мясомъ, захватила и его сырь емъ — это такъ называемые *мось хумъ* или *торумъ сырь хумъ*; другіе же, побуждаемые голодомъ, остались и начали грѣть котель, по не успѣли; противники пришли и разбили имъ носы (они съ этой цѣлью и приходили — хотѣли насмѣяться); съ этихъ поръ они и стали носить имъ *порхъ хумъ*; ихъ потомство и сохранили название *мось хумъ* и *порхъ хумъ*, и въ настоящее время всѣ манзы ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ богатырей, причемъ теперь большою частью, а прежде обязательно, брачные договоры совершаются между людьми, принадлежащими къ разнымъ поколѣніямъ; выйти женщинѣ изъ поколѣнія *мось хумъ* замужъ за человѣка, происходящаго изъ того-же рода, считается въ высшей степени предосудительнымъ, точно также и наоборотъ.

Выше Сартыши, версты на полторы, жила одна женщина — *урине* съ семью сыновьями — *торумъ сиримъ* *банкаръ одыръ*, которые занимались, подобно другимъ богатырямъ, только тѣмъ, что грабили проѣзжающихъ; для того, чтобы знать время ихъ прѣвада, они протянули чрезъ рѣку веревку съ колокольчиками и лишь только раздавался ихъ звонъ, они выходили, пробивали стрѣлами лодки, убивали

сидящихъ въ нихъ и брали себѣ все ихъ имущество. Узналь про это *тохътъ котъл торумъ*, разсердился и говорить: «И я божескій сынъ, а себѣ этого не позво лю». Пошелъ, на-гналь на нихъ сонъ, во время котораго перерѣзаль веревку, протяну ту ѿ чрезъ рѣку и спряталъ ихъ кольчуги; затѣмъ послалъ на нихъ богатырей, которые всѣхъ ихъ перебили, такъ какъ они безъ кольчугъ сражаться не могли; мать ихъ съ горя превратилась въ камень, который лежитъ тутъ же въ рѣкѣ съ лѣвой стороны; кромѣ этихъ богатырей были на Сосьвѣ еще и другіе; напримѣръ, на разстояніи одной стап-ци отъ Бerezова по направлению къ Сартыньѣ, на Елдынъ-номъ жило пять человѣкъ оныть тармъ *охомъ одыръ* или *анътъ тоуль нэнра бутъ* съ 150 прислужниками; затѣмъ у *али-усъ* жилъ богатырь съ женой — *али-усъ ойка*; далѣе, между *Вангреномъ* и *Ахтысъ* усь прежде былъ каменный мостъ, соединившій эти двѣ мѣстности, на которомъ нерѣдко происходили стычки между богатырями, обитавшими въ *ахтысъ* усь и приходящими снизу; во затѣмъ мѣстные богатыри ушли, такъ какъ среди богатырскихъ обычаевъ былъ одинъ, который не позволялъ имъ жить тамъ, гдѣ происходили частыи схватки. Существующая у *Вангреномъ* пещера обазана своимъ проис-хожденiemъ слѣдующему обстоятельству: разъ одинъ богатырь бѣжалъ отъ преслѣдующихъ его враговъ; у него было ящикъ съ разными дорогими для него вещами; видя, что его дого-няютъ, онъ съ страшною силой бросилъ его въ утесы; шкатулка пробила отверстіе, и такимъ образомъ было полу-жено начало пещерѣ; вотъ почему, по мнѣнію инородцевъ, въ ней и находились прежде разныя металлическія вещи осо-бенно зеркала. Послѣ богатырей, по преданію, остались иѣ-которыя вещи, такъ напримѣръ, въ Югримскихъ и Тегинскихъ юртахъ хранятся сабли, которыхъ мнѣ впрочемъ, несмотря на всѣ мои старанія, видѣть не удалось; объясняли это тѣмъ, что не всѣмъ суждено видѣть такихъ священныхъ вещи.

Со смертью, по вѣрованіямъ инородцевъ, жизнь не пре-кращается вполнѣ, такъ какъ начинается другая въ подзем-

помъ царствъ, обставленая извѣстными условіями. Инеродцы
вѣрять, что у каждого человѣка, кромѣ тѣла, есть еще тѣнь—
ись и душа—мили хелмхомасъ (у животныхъ тоже); послѣдняя,
по смерти человѣка, переходить въ тѣло новорожденнаго ре-
бенка, принадлежащаго къ тому-же роду, членомъ котораго
былъ умершій; если-же родъ весь вымеръ, то она переходить
въ дѣтей другихъ родовъ, наконецъ, другихъ народностей, но
никогда не переходить въ тѣло животныхъ. Что-же касается
до тѣни, то она отправляется въ подземное царство, располож-
женное въ Ледовитомъ морѣ за устьемъ Оби и находящееся
въ распоряженіи подземнаго бога куль одыръ; здѣсь она жи-
веть столько-же времени, сколько жилъ человѣкъ на землѣ,
причёмъ занимается тѣмъ-же самымъ дѣломъ, т. е. если че-
ловѣкъ на землѣ былъ олешеводомъ, то и подъ землей онъ бу-
детъ имъ; если онъ исключительно былъ звѣря и ловилъ рыбу,
то и тутъ онъ будетъ также охотиться, и т. д.; затѣмъ тѣнь
начинаетъ понемногу уменьшаться, доходить до величины
одного жучка — кэръ томахъ (по словамъ другихъ — превра-
щается въ него) и, наконецъ, вполнѣ исчезаетъ. Люди, много
грѣшивши на землѣ, обижавши и непочитавши боговъ, бу-
дутъ нести за это наказаніе въ будущей жизни, которое,
главнымъ образомъ, будетъ выражаться въ томъ, что они
будутъ постоянно работать, но работа у нихъ не будетъ идти
хорошо и трудъ ихъ будетъ мало вознаграждаться. При входѣ
въ подземное царство главная дорога раздѣляется на три пути
и у каждого стоитъ по столбу, на которомъ сказано, кто
куда долженъ идти: по среднему идутъ удавленники, утоплен-
ники, застрѣлившиеся и вообще всѣ, кто искусственно пре-
кратилъ свою жизнь; по правому — остальные грѣшники, по лѣ-
вому — люди, живши, какъ слѣдуетъ; людей, погибшихъ на-
сильственnoю смертью, при входѣ будутъ бить, зачѣмъ они
предупредили волю нуми, и затѣмъ продолженіе всего пребы-
ванія подъ землей они, кромѣ разныхъ неудачъ, не будутъ ничего
испытывать; въ первое-же время они будутъ еще кипѣть въ расп-
лавленной смолѣ. Если умираетъ кто-нибудь изъ семьи — отецъ,

мать, сынъ, дочь, братъ, сестра и т. д., то говорять: са-
мынъ падасъ — мученю предался; если изъ постороннихъ и
вообще изъ людей не близкихъ, то позаласъ — умеръ. Иногда
тѣнь умершаго береть съ собой тѣнь кого-нибудь изъ род-
ныхъ или близкихъ, и тогда тотъ человѣкъ скоро умираетъ.
Царствомъ тѣней, осящаемымъ лишь луннымъ свѣтомъ, какъ
я уже сказалъ, завѣдуетъ куль одыръ, про котораго, какъ
толкуютъ маинзы, ужныи человѣкъ я говорить не будетъ. Тѣмъ
не менѣе мнѣ удалось узнать слѣдующее: куль одыръ родился
подъ землей, отъ кого — узнать не могъ; онъ вѣдь дѣть
цѣлымъ городомъ и живеть со своей семьей въ большомъ
золотомъ домѣ, гдѣ ему прислуживаетъ масса слугъ, вполиѣ
похожихъ на людей, только меньшаго роста. Пока онъ не
выходилъ изъ-подъ земли, богатыри и люди не умирали, по-
разъ ему захотѣлось посмотретьъ, какъ живеть небесный богъ—
нуми торумъ, полюбоваться его домомъ, а если возможно,
то и отнять. Приходитъ, видитъ дворецъ, плѣнился имъ, хо-
чется взять, но нуми догадался и крѣпко заперъ всѣ двери;
куль одыръ этимъ не смущился и стала подкашивать подъ
домъ, вполиѣ увѣренный, что, при паденіи, онъ попадетъ прямо
въ его подземное царство. Замѣтивъ это и отлично понимая,
съ какою цѣлью все это дѣлается, нуми перенесъ свой домъ
въ другое мѣсто, подложивъ предварительно подъ него желѣз-
ныя доски; вмѣстѣ съ тѣмъ овъ приказалъ семи слугамъ за-
льять въ старыя березы, отъ которыхъ осталась одна только
береста и сердцевина которыхъ была вся уже изѣдена, и ка-
раулить куль одыръ. Лишь только послѣдній пришелъ, его
немедленно скватили, засадили въ желѣзнную бочку, крѣпко
забили и бросили въ темное мѣсто; отъ долгаго сидѣнія
въ этой бочкѣ онъ высохъ, какъ щепка. Отецъ нуми, король
торумъ, по своей добротѣ приказалъ освободить его и, не
желая, чтобы онъ оставался безъ дѣла, поручилъ ему завѣ-
дываніе подземнаго царствомъ и приказалъ ежедневно являться
къ нуми и братъ у него записы, кому слѣдуетъ умирать, а
также на кого насылать болѣзни («иначе слишкомъ много людей»)

будеть», думаль корсъ торумъ); съ тѣхъ порь куль одыръ стаъ приходить къ нуми, который его въ свой домъ всетаки не пускаеть, а заставляетъ сидѣть у порога. Вернувшись въ свое царство, куль-одыръ стаъ охотиться за зѣремъ, птицей и рыбой, многахъ убивъ, но еще большее количество портиль; всякое животное, какъ только онъ начинать бѣсть, дѣжалось чернымъ и теряло способность насыщать людей. Люди, которымъ, при видимомъ изобиліи съѣстныхъ припасовъ, грозила Голодная смерть, обратились за помощью къ нуми, который быстро спустился на землю, убилъ рабчика, все недававшагося кулю и отличавшагося въ то время своей величиной и особенно голосомъ, гремѣвшимъ подобно грому, разрѣзая его на кусочки и раздалъ ихъ различнымъ животнымъ, у которыхъ отъ этого или все тѣло побѣжало или только его часть; послѣдній-же кусокъ опять превратилъ въ рабчика, во уже маленькаго и такого, которого могъ добывать всякий охотникъ; послѣ этого люди успокоились, такъ какъ пища стала ихъ насыщать. Получивъ записи отъ нуми, куль беретъ тѣни записанныхъ и гонить ихъ большою дубиною чрезъ тундры въ свое царство, причемъ чрезъ воду перевозить въ огненной лодкѣ; если по ошибкѣ онъ возьметъ тѣнь раньше времени, то, по приказанию нуми, онъ возвращаетъ ее назадъ, и этимъ и объясняются, по мнѣнию инородцевъ, тѣ продолжительные обмороки, въ которые иногда впадаютъ люди.

По рассказамъ нѣкоторыхъ инородцевъ, тѣни въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить огненные потоки, поэтому-то они никогда и не бросаютъ сломанныхъ или остриженныхъ погтей и волосъ, которые до поры до времени хранятся гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, чтобы потомъ первою по смерти весною, когда прилетятъ чирки, вырвать у нихъ два хвостовыхъ пера и сжечь ихъ вмѣстѣ съ спрятанными погтами и волосами; тогда эти волосы и перья дадутъ тѣни возможность перейти чрезъ огненные потоки и вскарабкаться на высокія горы. Всѣдѣствіе

такихъ взглядовъ на будущую жизнь, инородцы, когда хоронить своихъ покойниковъ, надѣляютъ ихъ всмъ, что только составляло ихъ собственность въ этой жизни и затмъ потомъ иногда пополняютъ этотъ запасъ, особенно съѣстными припасами, водкой и табакомъ, для чего въ могилѣ всегда остается нѣчто вродѣ оконка, куда опускаются также и небольших деревянных лопаточки, замѣняющія ложки (подобные лопаточки употребляются также и при жертвоприношенихъ, такъ какъ, по мнѣнію инородцевъ, боги пищу єдятъ ими, а не ложками; поэтому у всякаго идола какъ въ его казиохранилищѣ, такъ и въ мѣстѣ приношенія жертвъ, всегда находится не мало такихъ лопаточекъ, приносимыхъ вѣрующими вмѣсть съ пищей своимъ богамъ). Обыкновенно умершаго стараются похоронить въ тотъ же день, когда онъ умеръ, причемъ тѣло выносить не чрезъ дверь, а чрезъ окно или, если покойникъ въ чуму, то чрезъ нарочно прорѣзанное отверстіе. До кладбища, расположеннаго у маньзовъ и верховыхъ остатковъ обыкновенно гдѣнибудь въ лѣсу, тѣло, вполнѣ одѣтое, несутъ на рукахъ или везутъ на оленяхъ, которые при этомъ *обязательно* убиваются на свѣжей могилѣ и преимущественно посредствомъ удавленія: на шею закидываютъ петлю, привязываютъ за свободный конецъ къ дереву и затмъ ударами заставляютъ олена бѣжать въ ту или другую сторону, такъ что онъ душитъ самаго себя; послѣ этого ему въ сердце втыкаютъ деревянную спицу; шкуры этихъ оленей зарываютъ тутъ же рядомъ съ могилой, мясо съѣдаются, а кости кладутъ къ покойнику. Могила у маньзовъ и верховыхъ остатковъ вырывается не глубже двѣнадцати вершковъ или одного аршина и имѣть бока выложенные деревомъ или берестой; въ такую яму опускаютъ лодку, обыкновенно однодеревку, большою частью съ отпиленной кормой и носомъ и съ уплощеннымъ дномъ и сверху закрываютъ берестой или досками; по неймѣнію лодки, тѣло кладутъ въ ящикъ, по формѣ всетаки похожій на лодку. Поверхъ ямы, на высотѣ одного или двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплощенная и только слегка по-

ката на обѣ стороны; крышка эта состоять изъ ряда тонкихъ бревенъ, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего несмотря на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, верхъ на 6 — 8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущей. Вещи кладутся, особенно мелкія во внутреннюю часть, и только болѣе крупныя — лыжи и т. п., находятся на крышѣ гроба; сверху же могилы обыкновенно лежать опрокинутыя нарты, весло, олений шесть, иногда лодка. Интересенъ тотъ фактъ, что надъ инородцемъ, умершимъ вдали отъ родины, напримѣръ на Оби во время рыбной ловли, на родинѣ всегда совершаютъ обрядъ погребенія, причемъ такъ-же вырываютъ могилу, такъ-же кладутъ разныя вещи и даже такъ-же совершаютъ иѣчто вродѣ поминокъ, какъ это бываетъ и съ обыкновенными покойниками. Послѣ того какъ гробъ опущенъ въ могилу, начинаютъ варить какое-нибудь мучное или мясное кушанье, вываливаютъ затѣмъ все сбоку гроба, пробиваютъ дно у котла и кладутъ его тоже въ могилу. У самоѣдовъ и низовыхъ остиковъ, естati сказать, могиль обыкновенно не роютъ, а тѣло кладутъ прямо на материкъ, причемъ сверху покрываютъ опрокинутыми нартами. У нихъ-же существуетъ обычай, чтобы жены послѣ смерти мужей дѣлали изъ бересты, дерева и шкурокъ куклы, должна стоящія олицетворять покойника, и въ продолженіи шести мѣсяцевъ класть ее съ собой спать, угощать Ѣдой, и т. д.; если этого не дѣлать, то тѣнь умершаго будетъ мстить. Кукла эта помѣщается всегда въ почетномъ мѣстѣ, которое при жизни составляло принадлежность хозяина. Это время считается временемъ траура, и рѣдко какая-нибудь изъ вдовъ решится вновь выйти замужъ ранѣе истеченія положеннаго срока. Одежда и украшенія на куклѣ дѣлаются подобными настоящимъ, а иногда какая-нибудь старательная вдова вырезаетъ даже лицо и раскрашиваетъ его разными красками. Виѣшими признаками траура считаются у иѣкоторыхъ ино-

родцевъ — распускание волосъ (у мужчинъ впродолженіе пяти дней, у женщинъ — четырехъ), вошеніе косъ спереди, а не сзади (у мужчинъ впродолженіе пяти мѣсяцевъ, у женщинъ — четырехъ, причемъ головные платки послѣдними носятся тогда на изнанку; кроме того мужчины надѣваютъ на какой-нибудь шнурокъ одну или двѣ бусы и носить ихъ на шеѣ или на руку до тѣхъ поръ, пока шнурокъ не перетрется. Плача при погребеніи обыкновенно не бываетъ; но это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ того, что маньги вообще, какъ и всѣ инородцы съверо-западной Сибири, плакать не охотники, и если иногда этимъ и занимаются, то исключительно, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось наблюдать, въ пьяномъ состояніи. При приближеніи смерти умирающему въ ротъ вставляютъ палочку, которая не позволяетъ ему сильно стискивать зубы, и лишь только онъ умретъ, голову покрываютъ платкомъ, одѣваютъ во все лучшее и кладутъ на то-же мѣсто, гдѣ онъ умеръ; въ это время обыкновенно не говорятъ ни слова. Затѣмъ женщины распускаютъ волосы и начинаютъ плаксивымъ голосомъ причитывать объ умершемъ: о томъ, какъ онъ былъ хороший охотникъ, какъ заботился о семье, и т. д.; иногда тоже самое продѣлываютъ и мужчины, которые въ это время заняты приготовленіемъ гроба и могилы. Когда гробъ готовъ, въ него укладываютъ покойника: мужчину — мужчины, а женщину — женщины, закрываютъ его, чертятъ иногда углемъ на крышкѣ какого-нибудь звѣра, птицу или рыбу и говорятъ, что все готово; тогда старшая изъ женщинъ въ семье — бабушка или мать, за неимѣніемъ первой, начинаетъ приподымать гробъ; если тяжело, то обѣщаютъ сдѣлать какое-нибудь приношеніе богамъ: *міръ сусна хумъ, сянь торумъ и куль одыръ*; тоже самое продѣлываютъ и всѣ присутствующіе по старшинству, сперва женщины, послѣ мужчины; затѣмъ уже тѣло несутъ или везутъ на кладбище. Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ погребенія самая выгодная находка — это шаманская могила, такъ какъ въ ней всегда можно найти помимо обыденныхъ вещей, и изображенія боговъ, и разные

талисманы ввидѣ просверленныхъ зубовъ животныхъ, ихъ члѣстей, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа, имѣющіе то или другое таинственное значеніе.

Разсматривая далѣе слѣды языческихъ кѣрованій маиновъ, намъ остается сказать только, какъ они смотрѣть на сотвореніе міра и на его окончаніе. Про сотвореніе они разсказываютъ слѣдующее: прежде всего корсъ торумъ создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краемъ окруженней водой; сама она неподвижна, по за то солнце и луна двигаются вокругъ нея. При ея сотвореніи было поступлено такъ: вначалѣ вода покрывала собою все существующее и корсъ торумъ велѣлъ луми, птицѣ, отлично пырающей, достать со дна не много земли; она три раза ныряла, но первые два безуспѣшино и только въ третій захватила не много песку и то поперхнулась, и онъ разлетѣлся въ разные стороны, только одинъ небольшой комочекъ и остался на мѣстѣ, у самой-же изъ горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отъ чего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лудой, говоря, ей-ли такой небольшой птицѣ доставать пѣнь-подъ воды землю; нырнула сама два раза, по оба безуспешно, а на третій вымыла замертво. Луми, чтобы дать ей издохнуть, положила ея голову къ себѣ на спину, запачкала при этомъ ей зобъ кровью (у гагары этой и до сихъ поръ онъ красный) и привсла ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говорить луми: «Спасибо, никогда этого не забуду; будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться». Послѣ этого онъ улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а луда старшей сестрой. На другой день изъ того комочка, который вынесла луми, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться все больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла ее облетѣть въ то время, въ какое посыпаетъ котель, во второй—до полудни съ восхода солнца, а въ третій—уже

приходилось лететь цѣлыхъ три дня; затѣмъ земли достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она по-немногу увеличивается; для избѣжанія же слишкомъ сильного расширенія существуетъ ешь куль, о которомъ рѣчь была раньше, и который исключительно питается землей, а также и лѣсные пожары, послыаемые теперь нуми, съ тою же цѣлью облегченія земли, которая иначе отъ тижеи все болѣе опускалась-бы подъ воду. Видѣть съ этимъ были созданы и богатыри, которые, какъ уже было сказано, сильно воевали между собою, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови.

Нуми торумъ, который, по порученію отца, сдѣлать за всѣмъ, что дѣлается на землѣ, лѣсколько разъ предупреждалъ ихъ, но все напрасно; тогда онъ спустился на землю и все поджегъ. Много при этомъ погибло богатырей, по не всѣ. Оставшіеся въ живыхъ ста ли себѣ, за некимъ лѣсомъ, строить землянки, сѣды которыхъ видны и теперь (по словамъ другихъ, землянки эти — остатки жилищъ самихъ маньзовъ, которые спасались въ нихъ во время нападенія враговъ, причемъ изъ нихъ нерѣдко вели подземные ходы въ глубь лѣса и къ рѣкѣ); остатки такихъ землянокъ существуютъ, напримѣръ, на Сѣверной Сосьвѣ, по лѣвой сторонѣ рѣки, на три версты ниже и на двѣ выше Сартыни. Не обращая вниманія на постигшее ихъ несчастіе, богатыри опять вступили въ окесточенную борьбу между собой; тогда нуми вельми водѣ выйти изъ береговъ и все потопить. Повелѣніе было исполнено, и погибло все живое, за исключеніемъ лишь семи сыновей нуми, которыхъ онъ на это время взялъ къ себѣ на небо.

Во время наводненія—яныхъ ешь, слѣдя ешта, продолжавшагося три дня, корсъ торумъ убралъ солнце, луну и звѣзды, чтобы сдѣлать полную темноту и лишить такимъ образомъ всѣхъ возможности спастись. Послѣ того какъ вода сбыла, нуми приступилъ къ творенію новыхъ существъ, такъ какъ онъ увидѣлъ, что никого иѣть на землѣ, которой необходимо

придать жизнь; въ то-же самое время, лишь только земля немногого обсохла, коры торумъ исчалило уронилъ свой поясъ, и изъ него произошелъ Уральскій Хребетъ. При этомъ надо оговориться, что нѣкоторые изъ рассказчиковъ утверждали, что до наводненія нуми были старикомъ и дѣтей не имѣлъ, но, выкупавшись во время потопа, онъ сразу помолодѣлъ и сдѣлался затѣмъ отцомъ семи сыновей.

Приступивъ къ устройству живыхъ существъ, нуми прежде всего вырѣзаль изъ лиственицы два бревна, придалъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая все падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь и такимъ образомъ подперъ ее; затѣмъ поставилъ на ноги синой къ себѣ, дунулъ, и куклыожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались мэнквами, т. е. лѣшими. Благодаря гвоздю, подпирающему голову, они не могутъ смотрѣть внизъ, часто остаются, падаютъ и при паденіи обыкновенно умираютъ, такъ какъ гвоздь вонзается имъ въ голову.

Увидавъ нуми, что сдѣлалъ не хорошо, приступилъ второй разъ къ творенію, причемъ взялъ уже лиственичную сердцевину, сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ остововъ, которые затѣмъ оплелъ лиственичными-же корнями, поставилъ лицемъ къ себѣ, дунулъ, ониожили, и такимъ образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. Нуми разрѣшилъ имъ ходить везде, гдѣ только имъ захочется; позволилъѣсть все, что они увидятъ, за исключеніемъ голубики мэнквъ или ибъ; послѣ этого онъ поднялся на небо отдохнуть отъ своихъ трудовъ.

Чрезъ вѣсколько времени захотѣлось ему посмотретьъ, что дѣлаютъ на землѣ новые ся поселенцы. Спустился внизъ, смотрѣть везде и нигдѣ ихъ не находить; кричать—никто не отзыается; наконецъ увидалъ ихъ спрятанными подъ кустами, вѣлѣлъ вылезть оттуда и къ своему удивленію увидалъ, что они потеряли всѣ свои волосы и стали голыми. Оказывается, что они не послушались повелѣнія нуми, пользясь запрещенныхъ ягодъ (принимальши въ этомъ участіе куль или

можж или нѣть—неизвѣстно), и волосы у нихъ всѣ выпѣзли, и они стали забнуть и прятаться въ кусты, хоть немногого защищающіе отъ вліянія холода и сырости. Разсердился на нихъ богъ, сталъ имъ выговаривать, затѣмъ они послушались его воли, а самъ думаетъ: «что-же ми съ ними дѣлать? какъ они будутъ жить? вѣдь все равно зимою погибнуть отъ холода»; дунулъ на нихъ, и они разсыпались.

Приступилъ послѣ этого богъ въ третій разъ къ устройству людей: взялъ тальнику, спелъ изъ него нѣчто вродѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними *нуми* сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей; показалъ человѣку—машзи (остальныя народности—русскіе, зыряне, самоѣды и татары были созданы раньше, сейчасъ-же послѣ мэнкза передъ неудавшимися машзи, но какимъ образомъ, про то они ничего не знаютъ) всѣ рыболовные и звѣроловные снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; показалъ также устройство лодки, лыжъ, нарты и дома, однимъ словомъ, всего, что только полезно человѣку; затѣмъ указавъ на то, что у нихъ будутъ дѣти, онъ приказалъ ихъ пріучать къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой и передать затѣмъ все то, что они слышали отъ него; послѣ этого онъ поднялся на небо и сталъ отдыхать довольный теперь своимъ твореніемъ.

Кромѣ такого преданія о созданіи человѣка существуетъ и другое, въ которомъ слишкомъ замѣтны слѣды христіанства. Рассказываютъ, что мужъ и жена были созданы изъ глины, но жили прежде на небѣ; затѣмъ когда отъ нихъ пошло многочисленное потомство, богъ спустилъ ихъ на землю. Пожили они здѣсь, но затѣмъ имъ опять хотѣлось попасть на небо. Стали они проситься, но богъ ихъ не послушалъ; тогда они приступили къ постройкѣ большого дома и хотѣли его довести до неба, но богу это не понравилось, и когда они стали приближаться къ нему, то онъ толкнулъ ногой и все разсыпалось; при этомъ много народа погибло, а остав-

шесся въ живыхъ перестали понимать другъ друга, такъ какъ начали говорить на разныхъ языкахъ; съ этого времени и пошли разные народы; тогда же богъ и велѣлъ людямъ, по прошествіи некотораго времени, умирать и превращаться въ ту глину, изъ которой они созданы. Далѣе рассказываютъ еще такъ, что богъ, спустивши съ неба мужа съ женой, запретилъ имъ братъ что-нибудь и класть себѣ въ ротъ. Они первое время исполняли приказаніе, но потомъ жена завела мужа въ лѣсъ и соблазнила его рябиной, поймавши которую, они вдругъ почувствовали стыдъ, но есть имъ всетаки не хотѣлось и жили они другъ съ другомъ, какъ посторонніе. Богъ, желая пройдатъ людей, спустился на землю, искалъ ихъ и не нашелъ стать кликать, откликнулись, говоря, что имъ совѣстно ему показаться. Догадался богъ, въ чемъ дѣло, стать имъ выговаривать и опредѣлилъ въ наказаніе испытывать чувство голода и жажды, имѣть потребность въ одѣждѣ, въ болѣзняхъ рождать дѣтей и такъ-же умирать.

Созданный міръ не будетъ вѣчнымъ и онъ кончится, благодаря потопу, который произойдетъ отъ того, что нуми, желая сдѣлаться молодымъ (что ему разъ уже удалось, какъ о томъ было выше сказано), станетъ купаться; послѣ этого купанья вода превратится въ жидкую огненную массу, которая подымется до такой высоты, что до неба осталется разстоянія не болѣе лебединой шеи. За семь лѣтъ до наступленія этого, всѣ кули и мэнком направятся въ подземное царство ввиду предстоящей имъ большой работы и по дорогѣ будуть сѣѣдать всѣхъ попадающихъ. За семь дней до потопа будетъ постоянно слышаться громъ и чувствоватьться удушливый непріятный запахъ. Что же касается до него самого, то онъ будетъ продолжаться ровно столько, сколько нужно для сваренія икры, т. е. не болѣе одного часу; благодаря такой быстротѣ, люди почти всѣ погибнутъ; спасутся лишь тѣ, которые успѣли себѣ приготовить плоты изъ семи рядовъ осины (по другимъ—лиственницы), изъ которыхъ шесть скроются, а седьмой останется. На этихъ плотахъ должны быть

шатры, сдѣланные изъ кожи осетровъ и стерлядей; и кромѣ того тутъ-же должны находиться канаты, сплетенные изъ тальника и длиною не менѣе трехъ-сотъ саженей. Въ это время комары, мошки и муравьи достигнутъ величины соболя, будутъ плавать поверхъ воды и будутъ уничтожать тѣхъ, которые не позабылись приготовить себѣ плотнаго полога. Послѣ потопа возстанутъ г҃и, которымъ кончился срокъ пребыванія ввидѣ тѣни иса, т. е. кто, напримѣръ, имѣя тридцать лѣтъ отъ роду, умеръ тридцать лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, весь міръ будетъ состоять изъ людей, спасшихся отъ потопа, и изъ окончившихъ свой срокъ. Тогда съ неба спустится иуди и приступить къ суду; въ чёмъ будетъ заключаться судъ и каковы награды съ наказаніями, ожидающія грѣшниковъ и праведниковъ, точно неизвѣстно. Проживши затѣмъ еще столько же, сколько жили на землѣ, а оставшіеся въ живыхъ столько, сколько жили до потопа, всѣ обратятся сперва въ кэръ хомлахъ, а затѣмъ въ прахъ, что и будетъ служить указаніемъ на полное окончаніе міра.

Вотъ тѣ слѣды языческихъ вѣрованій, которые мнѣ удалось подмѣтить у маньзовъ. При настоящихъ условіяхъ язычество для нихъ болѣе доступно и привлекательно, чѣмъ христіанство, котораго они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не понимаютъ: при жертвооприношеніяхъ, при гаданіяхъ, они сознаютъ, что дѣлается, они сроднились съ этимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ они являются почти такими-же дѣйствующими лицами, какъ и шаманы, что для нихъ, конечно, опять таки служить завлекающимъ мотивомъ: при всѣхъ языческихъ обрядахъ они наѣдятся, напьются, наплашутся и напоются, такъ какъ при нихъ всегда бываетъ и пляска, и пѣніе; однимъ словомъ, эти обряды являются для нихъ не только средствомъ общенія съ богами, но и мѣстомъ развлечений и наслажденія, чѣмъ, конечно, никогда не можетъ быть христіанство.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Примѣты и повѣрья.

1. Если во время зути готовить себѣ пищу, то, при уходѣ, обязательно сваливаютъ ту палку, на которой висѣлъ котелъ, иначе у варившаго будетъ постоянно болѣть голова, будуть лѣтеть волосы и въ будущей жизни онъ будетъ испытывать только одни мученія.

2. При приготовленіи пищи въ дорогѣ, необходимо оставлять пѣсколько или, по крайней мѣрѣ, одно полѣно, иначе нечѣмъ будетъ грѣть ся тѣни умершаго, идущей въ подземное царство.

3. Женщины не могутъ бѣсть сердца, головы и груди медведа,—недостаточно чисты для этого.

4. Женщины съ рѣкъ Сыгвы не могутъ бѣсть мерзлой щуки и мерзлаго налима, а во время беременности и сырковъ все равно, будетъ-ли это лѣтомъ или зимой, такъ какъ отъ этого они сами или ихъ дѣти будутъ хворать.

5. Среди животныхъ бываютъ чистыя и нечистыя; къ первымъ относятся лули-родъ небольшой гагары и змѣя; ко вторымъ—лягушка, ящерица и паукъ. Лули почитается за то, что она принимала участіе въ твореніи земли: когда суши еще не было и вода покрывала все существующее, тогда богъ корсь-торумъ велѣлъ ей нырнуть и захватить со дна земли; она это сдѣлала, и вынутая ею земля послужила началомъ твердаго пространства. Змѣю бить и бѣсть нельзя потому, что въ нее никогда входить богъ; отчасти по такой-же причинѣ нельзя бѣсть и нечистыхъ животныхъ—лягушку, ящерицу и паука: въ нихъ тоже не рѣдко входить, во только не богъ, а мэнкѣвъ, который чрезъ нихъ можетъ попасть и въ человѣка. Когда у ящерицы отваливается хвостъ, то это служить

указанием на то, что ее оставлять макбѣ; воть почему увидать отпаденіе этой части тѣла нехорошо, и оно часто предзнаменуетъ смерть кого-нибудь изъ близкихъ. Единственное средство избавится отъ исполненія предзнаменованія—это поскорѣе убить подобную ящерицу тѣмъ болѣе, что это будетъ и богоугодное дѣло: ящерица часто смотритъ на солнце съ раскрытымъ ртомъ, желая его проглотить; желаніе это ей внушиается дьяволомъ, и всякий долженъ воспрепятствовать его исполненію, такъ какъ солнце создано корысторумъ и оно необходимо для всего живущаго. Если при варкѣ пищи въ котель попадаетъ какое-нибудь изъ названныхъ нечистыхъ животныхъ, то содержимое котла вываливается и выливается, а самъ онъ тщательно моется и даже иногда окуривается. За убиеніе трехъ, а еще лучше семи безхвостыхъ ящерицъ, прощается много грѣховъ.

6. Если огонь въ кострѣ или чувалѣ запиштъ, то хозяинъ начинаетъ спрашивать, что ему надо, и если по близости есть гдѣ-нибудь шаманъ, то зоветъ его, а если нѣть, то приносить жертву самъ; также поступаютъ, если огонь, горѣвшій все время прямо, вдругъ наклонится въ сторону; если жертвы не принести, то можетъ случиться несчастіе.

7. Послѣ смерти кого-нибудь изъ близкихъ, необходимо привнести въ жертву хотя бы одного оленя, чтобы заткнуть дыру, чрезъ которую вынесли покойника, иначе опять кто-нибудь умретъ; по этой-же причинѣ покойника никогда не выносить чрезъ дверь, а всегда или чрезъ окно, или чрезъ нарочно сдѣланное отверстіе.

8. Сломанныхъ и остриженныхъ ногтей, а также и волосъ никогда не бросаютъ, а хранятъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ; ногти кладутъ себѣ большую часть за пазуху (если они оттуда выпадаютъ, то на это вниманія уже не обращаютъ). Дѣлаютъ это потому, что, по мнѣнію инородцевъ, тѣнямъ въ подземномъ царствѣ приходится карабкаться на высокія горы и переходить чрезъ огненные потоки; поэтому первой по смерти весной, когда прилетаютъ чирки, выры-

ваютъ у нихъ два хвостовыхъ пера и вмѣстѣ съ волосами и ногтями сжигаютъ; тогда эти волосы съ ногтями и перьями дадутъ тѣни возможность благополучно добраться до подземного царства, не взирая ни на огненные потоки, ни на высокія горы.

9. Если при себѣ имѣть мордочку лисицы, соболя или горностая, то все будетъ удаваться.

10. Если на поясъ носить медвѣжій клыкъ, то не будетъ болѣть спина.

11. Если мужчина пройдетъ какъ-нибудь нечаянно подъ какой-нибудь принадлежностью женскаго костюма или подъ самой женщиной, сидящей, напримѣръ, въ амбарѣ, то ему необходимо надо быть окуреннымъ бобровой струей, или тѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ онъ осквернился; вотъ почему женскія вещи никогда не висятъ при входѣ въ жилье; точно также необходимо мужчину окурить, если онъ дотронулъся, а тѣмъ болѣе если имѣлъ сношеніе съ женщиной, у которой мѣсячное очищеніе.

12. Женщины не могутъ сидѣть, лежать и спать въ переднемъ углу, иначе хозяину дома во всемъ будетъ неудача; точно также не могутъ тамъ лежать и женскія вещи.

13. Если женщина хорошо одѣта, то про нее говорять: *най эва-богиня* и желають ей быть постоянно такой.

14. Если хотятъ высказать пожеланіе, чтобы какая-нибудь вещь служила долго, то говорить: «пусть она живеть *хэлмхоласъ нотъ* или *хэлмхоласъ сунсы емци-человѣческій вѣкъ*».

15. Если гость отсидитъ себѣ ногу, то это означаетъ, что ему придется опять быть скоро въ гостахъ у того-же хозяина.

16. Если звѣзда падаетъ на востокъ, то это указываетъ на то, что человѣкъ родился; если на западъ, что умеръ.

17. Если въ теченіе теплого времени бываетъ сѣверное сіяніе-торумъ *най тэхъ, сизъ най тэхъ*, то это указываетъ на скорое наступленіе холода.

18. Если рыть очень глубокую яму, то можно докопаться до подземного царства, такъ какъ оно не очень далеко; вотъ

почему золотопромышленники при своихъ работахъ иногда доходятъ до такого мѣста, что снизу начинаеть дуть вѣтеръ; это уже служить указаніемъ, что имъ осталось до подземнаго царства еще немногое; во избѣжаніе несчастія необходимо зему немедленно зарыть.

19. Если съ женщиной или женщиной на открытомъ воздухѣ или въ жилищѣ сдѣлается обморокъ или приступъ, то это объясняютъ такъ: у *нуми торумъ* есть золотой посохъ, который онъ постоянно держать въ сосудѣ съ живой водой. *милана витѣ*; если онъ увидать гдѣ-нибудь грубыя человѣка, то начинаеть волновать воду и тотъ человѣкъ, на котораго онъ посмотрѣль, немедленно падаетъ. Къ такого рода людямъ инородцы относятся совершенно спокойно и говорять, что если-бы *нуми-торумъ* всѣхъ судилъ строго, то тогда не осталось-бы ни одного человѣка. Про такие припадки говорятъ: «*Нумыль патвессъ-сверху удариль* (т. е. *нуми торумъ*)».

20. Олень и заяцъ родные братья, такъ какъ и тотъ, и другой Ѳдятъ оленій мохъ.

21. Сперва лось жилъ на небѣ и у него было шесть ногъ; благодаря этому, его никто не могъ догнать. Онъ этимъ возгордился и сталъ хвастаться; тогда *нуми* послалъ одного изъ богатырей *мосъ-хумъ* его наказать за хвастовство. *Мосъ хумъ* погналъ его по всему небу, догналъ, отрубилъ двѣ заднія ноги и сбросилъ на землю; съ этихъ поръ у лося и стало четыре ноги, и онъ сдѣлался обычной добычей человѣка; вспоминаю-же о шестиногомъ лосѣ на небѣ осталось ввидѣ большой медвѣдицы; путь по которому *мосъ хумъ* гналъ лося, называется *мосъ хумъ ѡза лониха* и есть ничто иное, какъ млечный путь.

22. Лебедь былъ когда-то человѣкомъ, но затѣмъ, во время постоянныхъ дракъ, бывшихъ прежде, онъ сталъ просить *нуми* превратить его въ птицу; желаніе это было исполнено и тогда появился лебедь; доказательствомъ его человѣческаго происхожденія служить то, что у него, какъ и у женщины, существуетъ мѣсячное очищеніе.

23. Царемъ птицъ прежде былъ сдѣланъ міръ гуснѣ хумѣ лебедь, а княземъ—орель; но затѣмъ на мѣсто первого онъ поставилъ журавля, такъ какъ лебедь не умѣеть во время кричать: весною начинаетъ очень рано, а осеню перестаетъ очень поздно; поэтому остальная птица не знаетъ точно времени прилета и отлета и нерѣдко вслѣдствіе этого погибаетъ.

24. О происхожденіи медвѣдя, кромѣ того, что онъ спущенъ съ неба, говорять также, что у одной женщины былъ сынъ, который ея ни въ чемъ не слушался; тогда она его прокляла, онъ убѣжалъ въ лѣсъ и превратился въ медвѣда.

25. По другому преданію, собака и медвѣдь прежде были на небѣ; когда нуми ихъ спускаль и хотѣль собакѣ дать лукъ со стрѣлами, чтобы она лучше могла помогать человѣку при его охотѣ, то медвѣдь запросилъ себѣ пятый палецъ, при помощи котораго онъ могъ бы спасаться отъ вооруженной такимъ образомъ собаки; тогда нуми рѣшилъ оставить ихъ по прежнему и на прощанье сказалъ собакѣ, что она будетъ есть вмѣстѣ съ человѣкомъ. Она этого не разслышала, обернулась и спросила: «что?» нуми повторилъ еще разъ, опять собака не поняла; тогда, разсердясь, онъ ей сказалъ: «Ты ничего не слышишь, съ этихъ поръ ты будешьѣть то же самое, что и человѣкъ, но только не вмѣстѣ съ нимъ. Ступай». Съ этихъ поръ собака постоянно прислушивается, но измѣнить своей судьбы уже не можетъ.

26. По мнѣнію Маньзовъ, огонь-най—женщина, а водоворитъ—мужчина; у огня есть покровители-наинъ одыръ, которыми считаются корсъ торумъ, нуми-торумъ, его семь сыновей и сахылъ торумъ; если очагъ содержится неопрятно, то най недовольна; если огонь потухаетъ, то это только видимо, такъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вѣченъ.

27. По мнѣнію маньзовъ, солнце—женщина, а мѣсяцъ и заря—мужчины; когда солнце заходитъ, то говорить, что оно уходить спать; когда отъ него по небу идутъ полосы, то это указываетъ на то, что оно чешетъ себѣ косы.

28. Относительно зари существует такое преданіе: иль сколько выше Половожскихъ юртъ былъ городокъ, въ которомъ жилъ старикъ-богатырь съ четырьмя племянниками. Попали разъ они всѣ воевать за Ураль; много достали добычи, но за то одного изъ нихъ убили. По возвращеніи сынъ убитаго, остававшійся дома стеречь имущество, сталъ убѣждать всѣхъ идти назадъ мстить за смерть его отца; уговорилъ онъ ихъ, пошли и лишь только перевалили Ураль, какъ онъ сталъ истреблять рѣшительно все живое—не только людей, но и звѣрей, и птицъ, и рыбъ; даже родные стали его уговаривать, а онъ продолжаетъ свое. Тогда его оставили одного; онъ на это не обратилъ вниманія и пошелъ дальше, продолжая по прежнему все истреблять. Вдругъ онъ видитъ, что ему на встречу идетъ какой-то старикъ, ростомъ выше лѣсу и съ головой больше орлиного гнѣзда; не испугался онъ, пошелъ на встречу, хочетъ ударить его, а не можетъ: лишь только замахнется, а тотъ какъ-то незамѣтно и отойдетъ; наконецъ, встрѣчный старикъ и говоритъ: «Полно, перестань, не страйся напрасно: я съ неба. Неужели тебѣ мало тѣхъ людей, которыхъ ты истребилъ?—«Конечно, мало—мнѣ еще надо». Вырвалъ онъ послѣ этого лиственницу, взвалилъ ее себѣ на плечи и пошелъ туда, где увидаль находится много народа; подошелъ, набросился на народъ и сталъ его бить своей лиственницей направо и налево; перебилъ много, а народу все не уменьшается потому, что нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнeca ковали желѣзнную полосу, а два плотника—стругали деревянную и чтобы изъ искръ и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьеть онъ день, бьеть другой, третій и все не устаетъ, тогда нуми самъ спустился на землю, дунулъ на него и полетѣлъ онъ на небо, где и превратился въ зарю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то поэтому и заря всегда бываетъ красная.

Сдѣлалъ это нуми и говорить: «Такъ поступать нельзя, иначе у меня на землѣ людей не будетъ и мнѣ опять творить придется».

29. Маньзы думаютъ, что въ сумасшедшихъ поселяется *куль*, который помогаетъ имъ и въ случаѣ необходимости защищать ихъ; такъ рассказываютъ, напримѣръ, про одну сумасшедшую, что она каждое утро садилась въ лодку, направлялась безъ веселъ, не смотря на сильное теченіе, на другую сторону и тамъ приготовляла себѣ, при помощи *куля*, кушанье изъ листьевъ и земли, чѣмъ обыкновенно и питалась; вслѣдствіе такого взгляда къ нимъ относятся съ уваженіемъ и съ иѣкоторой долей страха и никогда ихъ не обижаютъ и не оскорбляютъ.

Примѣтамъ своимъ маньзы вѣрятъ тѣмъ болѣе, что иногда они находять подтвержденіе своимъ предположеніямъ, на что лучше всего можетъ указывать слѣдующій случай.

Верстъ пятнадцать ниже Югримскихъ юртъ на правой сторонѣ Сѣверной Соссы есть озеро, на которомъ находится островъ *усъ слямылъ*; по серединѣ острова высохшій пень кедра, около которого въ давно минувшія времена нашли будто-бы богатырскую саблю и цѣлый рядъ небольшихъ каменныхъ дисковъ, употребляемыхъ богатырями вмѣсто пращи. Маньзы рассказываютъ, что отъ стариковъ еще идетъ преданіе, по которому, какъ только кедръ засохнетъ и какъ только на его корняхъ появится другое растеніе, немедленно придутъ русскіе и завладѣютъ какъ озеромъ, такъ и островомъ. И дѣйствительно, надо было такъ случиться, что лишь только кедръ засохъ и на его корняхъ появились разные кустарники, островомъ и озеромъ завладѣлъ одинъ изъ Сартынинскихъ русскихъ обитателей. По разсказамъ, богатырь, жившій здѣсь прежде въ большомъ лиственничномъ и кедровомъ домѣ, отъ котораго теперь остались лишь гнилые столбы, поселился теперь въ озерѣ, въ одномъ укромномъ мѣстѣ, мимо котораго инородцыѣздить не рискуютъ; про рыбную же ловлю и говорить нечего; даже, не смотря на жажду, воды не пьютъ изъ его мѣстопребыванія; говорятъ, что и русскіе не могутъ безопасно тамъѣздить, такъ какъ всегда случается какое-нибудь несчастіе: то лодка потечетъ, то весло сломается, то парусъ разорвется.

II.

Объяснение сновидений.

1. Увидать во сне медведя — къ морозу.
2. Увидать во сне оленя — къ снѣгу и сильному вѣтру.
3. Увидать во сне кусающую или лягающую лошадь — къ болѣзни собственной или кого-нибудь изъ близкихъ.
4. Увидать во сне рыбу — къ снѣгу или дождю.
5. Увидать во сне капитана (окружнаго исправника), комиссара (засѣдателя) и потруса (писаря) — къ убыли.
6. Увидать родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, живущихъ далеко — къ ихъ болѣзни или смерти.
7. Увидать умершихъ отца съ матерью — къ смерти кого-нибудь изъ рода.
8. Увидать свою парту полуразрушенной — къ смерти кого-нибудь изъ рода.
9. Увидать лодку, полную муки — къ удачной охотѣ и вообще къ прибыли.
10. Увидать во сне голаго — къ хорошей ловлѣ рыбы.
11. Видѣть себя пьянымъ — къ болѣзни.
12. Класть во сне муку въ амбаръ — къ удачной рыбной ловлѣ.
13. Видѣть мѣдные деньги — къ болѣзни и къ неудачѣ.
14. Видѣть священника — къ болѣзни.
15. Если во сне падаетъ зубъ безъ крови, то къ удачу; если съ кровью, то къ смерти — или собственной, или кого-нибудь изъ близкихъ.
16. Если во сне ходишь по водѣ, какъ по льду, то это — къ долгой жизни.
17. Когда во сне летаешь, какъ-бы на крыльяхъ, то будешь долго жить.
18. Когда во сне падаешь, то скоро умрешь.
19. Ёхать во сне внизъ по Оби — къ скорой смерти.

20. Если во снѣ кусасть собака—то скоро захвораешь.
21. Убить во снѣ лебедя или вообще птицу съ какимъ-нибудь звѣремъ—къ удачной охотѣ.
22. Увидать себя или кого-нибудь другого въ дурной одѣждѣ—хорошо; въ хорошей —плохо.
23. Увидать во снѣ горящимъ чье-нибудь жилье, къ смерти того, кому оно принадлежитъ.

Относительно сновъ вообще надо сказать, что вѣры имъ большой не придаютъ и говорятъ, что они служатъ указаніемъ на какую-нибудь болѣзнь или беспокойство; если крѣпко спать, то и сновъ не видать; чаще всего видять сны женщины, затѣмъ мужчины, дѣти и, наконецъ, старики, которымъ вообще мало что снится. Иногда во время сна говорятъ, но и на это вниманія обыкновенно не обращаютъ.

Культь медвѣдя у инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири.

Едва-ли не самымъ важнымъ событіемъ въ жизни инородца Сѣверо-Западной Сибири является охота на медвѣдя, особенно, если она кончается удачно, что бываетъ почти всегда. Охота эта важна не только, какъ доставляющая шкуру и мясо звѣря, но, главнымъ образомъ, по тѣмъ вѣрованіямъ и по тѣмъ обрядамъ, которые ее сопровождаютъ. Убить медвѣда для инородца не барышъ, хотя его шкура и цѣнится отъ трехъ до десяти рублей. Напротивъ,—удачная охота часто разоряетъ его, по крайней мѣрѣ, на цѣлый годъ, такъ какъ на угощеніяхъ, сопровождающихъ эту охоту, обязательно должно предлагаться гостямъ, не рѣдко сѣѣжающимся за десятки и за сотни верстъ, все лучшее изъ приготовленныхъ запасовъ; и случается, что запасливый хозяинъ, заготовившій себѣ съ осени на цѣлую зиму и весну всевозможныхъ припасовъ, сѣѣдаетъ ихъ всѣ въ двѣ-три удачныхъ медвѣжьи охоты.

Не смотря на это, убить медвѣда никто не прочь — это считается удальствомъ и честью; только не надо оскорблять тѣни убитаго звѣря, иначе плохо придется бѣдному охотнику: обрушится на него радъ несчастій, да и въ другой разъ не сдѣлать ему, а погибнуть подъ зубами и когтями раздраженнаго звѣра.

Главная охота на медвѣдей происходитъ осенью, когда ихъ мясо и шкура наиболѣе цѣнны; но и въ другое время, даже весною и лѣтомъ, нерѣдко бываютъ такія охоты за хо-

зиномъ земляного дома — ма колъ ойка, какъ зовутъ тамъ медвѣдя.

Нарочно медвѣда не ищутъ, даже если находить его слѣды, то уходить, не разыскивая берлоги, иначе охотника постигнетъ несчастіе; но если онъ или его собака найдутъ самую берлогу, то смерть медвѣда уже рѣшена. Если нашедшій не рискуетъ почему-либо идти одинъ на одинъ за медвѣда, то сообщаетъ о своей находкѣ двумъ, тремъ знакомымъ съ просьбою помочь ему, — другимъ же о своей находкѣ онъ не говорить и не потому, чтобы боялся, что звѣра у него кто-нибудь перехватить; нѣтъ, этого никогда не бываетъ: охотничьи права вообще на звѣра, птицу и рыбу, а тѣмъ болѣе на медвѣда, считаются священными, а просто изъ боязни, что тогда медвѣдь узнаетъ о готовящейся ему опасности и найдетъ средства ея избѣжать. Если найденный медвѣдь, лежитъ въ берлогѣ, то ее осторожно обкладываютъ со всѣхъ сторонъ деревьями, чтобы отнять у него всякую возможность выйти оттуда, оставляютъ лишь одно небольшое отверстіе, чрезъ которое и убиваютъ его, стрѣляя нѣсколько разъ изъ ружья или изъ лука; если-же онъ вышелъ изъ берлоги, то его подкарауливаютъ въ ея окрестностяхъ, искусно скрываясь за деревьями и кустами; подпускаютъ его менѣе, чѣмъ на десять шаговъ и стрѣляютъ обыкновенно или въ сердце, или въ глазъ; иногда благодаря плохимъ ружьямъ, до сихъ поръ еще кремневымъ, и сырой погодѣ, происходитъ осѣчка и тогда охотнику волей-неволей приходится браться за ножъ, незавѣнныи спутникъ не только мушкины, но и женщины въ той мѣстности, и, закрывши немногого лѣвой рукой голову, бросаться на медвѣдя; обыкновенно, прежде чѣмъ тотъ успѣть принять какія нибудь мѣры предосторожности, онъ уже лежитъ съ распоротымъ брюхомъ; правда, бываютъ случаи, когда или нога поскользнется, или кожа сорвется и тогда приходится охотнику испытывать на себя силу и крѣпость медвѣжьихъ зубовъ съ когтями, но и туть дѣло до смерти обыкновенно не доходитъ: охотникъ успѣть выбрать удобный моментъ и всадить медвѣдю ножъ.

Когда медвѣдь убитъ, то, если онъ лежитъ въ берлогѣ, его вытаскиваютъ оттуда, закидывая обязательно арканъ на шею, и начинаютъ съ цѣлью взаимнаго очищенія бросаться снѣгомъ, тѣтомъ-же и вообще въ теплое время мохомъ и землею; затѣмъ приступаютъ уже къ снятію шкуры, для чего предварительно на грудь и брюхо медвѣда кладутъ пять или четыре (если убитая-самка) попечечные палочки, означающія застѣжки игушки, верхней одежды, дѣлаемой изъ оленыхъ шкуръ шерстью къ верху, иногда съ подкладкой изъ какихъ-нибудь звѣринныхъ или птичийхъ шкурокъ, или безъ нее; разрѣзавши эти палочки, какъ-бы развязавъ застѣжки, сдираютъ кожу со всего тѣла, за исключеніемъ головы и переднихъ лапъ, гдѣ оставляютъ ее съ конца пальцевъ до кистевыхъ сгибовъ. Затѣмъ шкуру и мясо несутъ или везутъ (зависитъ отъ разстоянія) въ домъ, подходя къ которому начинаютъ дѣлать быстрыя движения и кричать— «сели, волюю мѣхъ...» (что это означаетъ рѣшительно никто не могъ объяснить, говоря, что старики такъ кричали и имъ дѣлать тоже велѣли). Принесенное вносится въ домъ наиболѣе зажиточнаго изъ участниковъ охоты, чтобы онъ могъ устроить лучшее угоженіе по убитому звѣрю и дать ему болѣе удобное помѣщеніе. Женщины тотчасъ-же приступаютъ къ устройству въ переднемъ углу, въ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, помѣщенія для убитаго; для этого берется скамейка, столъ или просто очищается на нарахъ мѣсто, достаточное для шкуры, и ее кладутъ туда, подложивши предварительно три, если самецъ, и двѣ, если самка, деревянныхъ перекладины; морда располагается между лапъ и передъ ней ставится нѣсколько оленыхъ изображеній, сдѣланныхъ изъ хлѣба или бересты; на глаза прикрѣпляются серебряныя монеты, на конецъ морды надѣвается берестянной кружокъ и на пальцы, если убитая-самка, кольца; монеты и намордникъ надѣваются потому, что женщины не могутъ недостойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, что продолжается мушинами; поэтому-же женщины закрываютъ свои лица платками, когда видятъ медвѣдя; при внось медвѣдя въ

жилище подъ порогъ обыкновенно кладется топоръ. Послѣ этого приступаютъ къ приготовленію всего необходимаго для празднства, которое совершается всегда по почамъ, такъ какъ боги преимущественно въ это время посыпаютъ землю и такимъ образомъ они могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣра; всѣ почести, воздаваемыя шкурѣ, имѣютъ своимъ назначеніемъ медвѣжью тѣнь. Приготовленія эти довольно прости: очищается мѣсто въ жильѣ, все лишнее выносится, достается изъ запасовъ рыба и мясо, если есть, водка и табакъ, и разными путями даютъ сосѣдямъ знать о счастливой охотѣ. Всѣ, кто только можетъ, прїезжаютъ, причемъ совершенно не обращается никакаго вниманія на то, былъ-ли пріѣхавшій приглашенъ или нѣтъ. Празднства продолжаются не менѣе трехъ дней, если убитый—молодой медвѣдь; четырехъ—если самка, и пяти—если самецъ; но это только не менѣе; что-же касается до болѣе, то это вполнѣ зависитъ отъ богатства охотниковъ и отъ времени убіенія: если осенью, когда запасовъ еще много, то нерѣдко празднуютъ до двѣнадцати ночей; если-же весною, когда приближается обыкновенное голодное время, то ограничиваются только положеннымъ срокомъ; если у хозяина дома не хватаетъ подъ конецъ запасовъ, то къ нему на помощь являютсясосѣди, которые приносятъ то, что у каждого есть, причемъ отдачи въ такихъ случаяхъ не бываетъ; иногда шкура переносится въ другой домъ даже неучастника охоты, если только онъ человѣкъ со средствами и можетъ достойно отпраздновать оказанную ему честь.

Къ первой ночи, когда еще не всѣ знаютъ о случившемся, съезжаются обыкновенно немногіе; но затѣмъ, когда слухъ объ удачной охотѣ разойдется на большое пространство, то собирается до шестидесяти, до ста человѣкъ, что при тѣхъ громадныхъ разстояніяхъ и при той рѣдкости населенія, которая замѣчается тамъ, представляетъ уже собрище громадное. Меня всегда удивляла та быстрота, съ которой распространяются тамъ всевозможные слухи, что зависить отъ сильнаго

расположенія и любви инородцевъ ко всѣмъ новостямъ и сходищамъ, а также и отъ того, что пройхать въ одинъ день верстъ 150—200 инородцу, имѣющему своихъ оленей, ничего не стоитъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему описанію чествованія медвѣдя, необходимо оговориться, что теперь, при увеличивающемся съ каждымъ годомъ обрученіи мѣстныхъ жителей, прежніе обряды и вѣрованія забываются настолько, что въ настоящее время почти невозможно встрѣтить человѣка, вполнѣ знающаго всѣ эти обряды, соединенные съ празднествами въ честь медвѣдя; забываются они на столько, что даже сами инородцы это сознаютъ и иногда выписываютъ какого-нибудь старика за двѣ—три сотни верстъ, разъ онъ знаетъ всѣ пѣсни и представлениа, безъ которыхъ праздникъ не въ праздникъ и о которыхъ рѣчь будетъ дальше. Особенно сильно все забыто остыками—жителями главнаго теченія Оби; почти все, здѣсь описанное, составлено, главнымъ образомъ, на основаніи видѣннаго у маньзовъ и у нѣкоторыхъ остиковъ, живущихъ по мелкимъ рѣчкамъ, входящимъ въ систему рѣки Оби; что-же касается до самоѣдовъ, то вслѣдствіе еще большей разрозненности, которая существуетъ между ними, благодаря, преимущественно, разстояніямъ, коллективные празднества у нихъ устраиваются очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе они также смотрятъ на благо медвѣдя, чаще встрѣчаемаго въ ихъ владѣніяхъ, сравнительно съ бурымъ, какъ на посланника съ неба, тѣмъ болѣе достойнаго всякаго почтенія, что онъ познакомилъ людей съ полученіемъ и съ употребленіемъ огня — взглядъ, существующій точно также и у маньзовъ съ остыками.

Наконецъ, все готово, наступаютъ сумерки, гости понемногу сходятся и сѣзжаются, начинается оживленіе, которое, увеличиваясь все болѣе и болѣе, къ концу ночи достигаетъ своего предѣла. Охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ у него по правой сторонѣ и лѣвую руку держитъ у него на шѣѣ; по лѣвой сидѣть играющіе на *самульданѣ*—музыкальномъ инстру-

ментъ, имѣющемъ видъ длиннаго, узкаго ящика, снабженаго пятью струнами, большею частью, изъ оленьихъ жиль; при игрѣ инструментъ кладутъ на колѣни и начинаютъ перебирать струны сразу двумя руками, причемъ звукъ получается въ высшей степени мягкий и мелодичный; онъ пользуется большимъ распространениемъ и, главнымъ образомъ, встрѣчается на притокахъ средняго теченія Оби; дѣлается, преимущественно, изъ ели. Всякаго, въ первый разъ входящаго въ домъ, гдѣ лежить медвѣжья шкура, обливаютъ немного водой или осипаютъ снѣгомъ; дѣлается это, понятно, съ цѣлью очищенія, такъ какъ всѣ обряды носятъ на себѣ характеръ религіозный. Всѣ празднества заключаются въ пѣніи, пляскѣ, представленіяхъ и угощеніяхъ между ними, когда обязательно пляшутъ. Присутствуя въ первый разъ на этихъ почахъ, я былъ въ высшей степени пораженъ, когда увидаль въчто вродѣ представлений, состоящихъ изъ отдѣльныхъ сценъ самаго разнообразнаго характера, носящихъ иногда, съ точки зрѣнія европейца, въ высшей степени неприличный оттѣнокъ, но за то не рѣдко полныхъ комизма или драматизма. Представляютъ всегда мужчины; если надо изображать женщину, то они надѣваютъ женскій костюмъ и стараются, по мѣрѣ возможности, подражать женщинѣ въ походкѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ; число участвующихъ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; они всегда надѣваютъ на лицо маски, преимущественно берестяныя и рѣдко деревянныя, большею частью довольно уродливой формы; на этихъ маскахъ красной краской—нэриз—или котельной сажей дѣлаются брови, усы и борода; иногда къ носу или къ подбородку подвязываются какіе-нибудь кружечки и треугольники, и т. д., причемъ носы дѣлаются обыкновенно самой уродливой формы; назначеніе масокъ скрывать лица играющихъ отъ медвѣда и отъ зрителей, потому что хотя медвѣдь и любить увеселенія, но не любить нахальства и поэтому плясать и въ то-же время смотрѣть ему въ глаза нельзя; что же касается до такого отношенія къ зрителямъ, то, быть можетъ, оно вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что

играющіе часто позволяютъ себѣ высказыватьъ своему начальству, особенно родовому, довольно юдкую правду и сердиться за это, по обычаю, нельзя. Костюмы надѣваютъ обыкновенные, только нѣсколько измѣненные— вывернутые, съ приධѣланнымъ горбомъ, и т. д.; говорять при этомъ обыкновенно не своимъ голосомъ и хотя всѣ присутствующіе, по крайней мѣрѣ, теперь, отлично знаютъ, кто играетъ и кто какъ одѣтъ, но не одинъ изъ нихъ не можетъ называть участвующихъ ихъ обыкновенными именами, а какими-нибудь вымышленными; даже участники, по отношенію другъ къ другу, должны строго это соблюдать. Говорить и дѣлать имъ разрѣшается положительно все: ихъ личность на время представлений забывается и даже не вспоминается послѣ; остается только слава хорошаго актера, и эта свобода доходитъ до того, что какой-нибудь родовой старшина, который строго наказалъ-бы въ иное время человѣка, осмѣливающагося указывать на его поборы и неправильныя дѣянія, теперь долженъ на раду со всѣми выступивать всѣ насмѣшки и нападки, иногда въ высшей степени мѣткія, не смѣя ничѣмъ ихъ остановить; и это обстоятельство заставляетъ еще болѣе всѣхъ стремиться на эти празднества, потому что по своей природѣ нѣкоторые изъ инородцевъ съверо-западной Сибири, особенно манзы, въ высшей степени народъ насмѣшливый.

Всякая ночь начинается съ пѣнія: обыкновенно трое мужчинъ въ шапкахъ или, вообще, имѣя голову чѣмъ-нибудь покрытой, становятся передъ медвѣдемъ, предварительно отѣсивши ему низкій поклонъ, берутся мизинцами за руки, и размахивая ими все время, начинаютъ пѣть. При окончаніи каждой пѣсни одинъ изъ почетныхъ гостей, сидящій по лѣвой рукѣ отъ медвѣдя, или звонить въ обыкновенный колоколецъ, или ударять палкой въ металлическую доску, послѣ чего дѣлается короткій промежутокъ для отдыхновенія пѣвцовъ и затѣмъ начинаютъ вторую пѣснь, послѣ—третью; если убитый медвѣдь самецъ, то иногда поютъ до пяти пѣсень, при самкѣ до четырехъ, а при маленькомъ иногда ограничиваются

и двумя, хотя обыкновенно бывают три. Пѣснями оканчивается первая половина ночи, послѣ чего начинается вторая, состоящая только изъ представлениія отдѣльныхъ сценъ, раздѣленныхъ между собою болѣею частью плясками; между первой и второй половиной обыкновенно происходит угощеніе гостей-пріимнымъ хозяиномъ всѣхъ присутствующихъ. Во время пѣнія музыки не бываетъ, всѣ молчатъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушаютъ пѣсни; поютъ безъ масокъ и безъ костюмовъ; поющіе иногда мѣняются мѣстами, такъ какъ поеть, главнымъ образомъ, только стоящій въ серединѣ, а остальные ему подтагиваютъ; когда средній устаетъ, то его замѣняетъ или одинъ изъ крайнихъ, или кто-нибудь изъ присутствующихъ. Мотивъ пѣсень довольно разнообразный: то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный; послѣ послѣдней пѣсни пѣвцы иногда сами тотчасъ же начинаютъ плясать, только подъ музыку, и въ обѣ руки берутъ по платку, которыми постоянно машутъ. Сюжеты пѣсень различны: поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; поютъ про его прежнюю жизнь на вѣрѣ и на землѣ; поютъ про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь—и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и про ихъ отношенія къ людямъ. Пляски, бывающія между пѣснями, принаравливаются болѣе или менѣе къ ихъ содержанію: если поютъ про медвѣдя, то подражаютъ ему, если про мэнквада, то имъ, дѣлая сильныя тѣлодвиженія, съ присвистомъ, толотомъ, какъ обыкновенно, по мнѣнию инородцевъ, дѣлаютъ лѣсныя божества. При началѣ и окончаніи каждой пляски, пѣсни и представлениія всегда отдаютъ низкій поклонъ медвѣду, какъ и при входѣ въ жилье, гдѣ лежитъ его шкура; всякий вновь пришедший цѣлуетъ его, мужчины прямо въ морду, а женщины чрезъ платокъ, несмотря даже на прикрѣпленный берестяной кружокъ. Между отдѣльными сценами пляшутъ не только мужчины, но и женщины съ дѣтьми, причемъ только они все-

гда закрывают лицо платкомъ, а руки втягиваютъ въ рукава, чтобы не показывать медвѣду голаго тѣла; во время пляски руки у женщинъ всегда бываютъ согнуты въ локтяхъ и немного приподняты пальцами кверху; онъ ихъ поднимаютъ и опускаютъ въ тактъ музыкѣ. Послѣ всякой сцены представляющіе немногого пляшутъ, но затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе. Во время празднованія убившій медвѣда выходитъ иногда изъ жилья, беретъ лукъ и, повернувшись къ дому задомъ, стрѣляетъ и смотритъ, куда попадеть стрѣла: если въ самое верхнее бревно, то это означаетъ, что онъ еще убить въ этомъ году одного медвѣда; если въ одно изъ нижнихъ, то такого случая ждать ему придется долго; вообще, въ какое бревно сверху онъ попадеть, чрезъ столько лѣтъ и звѣрь будетъ убитъ; тоже самое узнаютъ также въ послѣднюю ночь, когда выносятъ медвѣжью шкуру: для этого при выносѣ медвѣда убившій его спрашиваетъ вслухъ, а большою частью на ухо, скоро-ли будетъ опять убить медвѣда и кто изъ присутствующихъ его добудетъ, при чемъ называется присутствующихъ; если скажетъ вѣрно, то шкура подымется съ мѣста легко, если нѣтъ, то тяжело; иногда съ тою же цѣлью кто-нибудь изъ участникохъ въ плясѣ стрѣляетъ изъ лука и если попадаетъ, не цѣлясь, въ щель, то значитъ, что къ той-же избѣ скоро будетъ происходить новое празднество. Въ послѣднюю ночь на разсвѣтѣ шкуру выносятъ въ поле, при чемъ какъ во время пути, такъ и на мѣстѣ, бросаются снѣгомъ и борются другъ съ другомъ; женщины въ поле не выходятъ, только при выносѣ шкуры онъ бросаются снѣгомъ и обливаются водой, затѣмъ начинаютъ варить себѣ медвѣжій задъ, предоставляемый въ ихъ распоряженіе; мужчины же въ полѣ готовятъ себѣ голову, сердце и лапы, остальное мясо съѣдается раньше во время представлений. Послѣ ёды медвѣжьяго мяса обыкновенно вытираютъ себѣ губы и руки деревянными стружками—*вотленъ*, предварительно подержанными въ дыму, окторыхъ затѣмъ бросаютъ въ огонь, куда бросаютъ также и все то, что остается послѣ медвѣда, чтобы оно не пошло соба-

камъ или птицамъ (деньги, закрывающія глаза, береть себѣ хозяинъ дома). При сдираниі шкуры, при варкѣ мяса—кости никогда не раздробляются, а всегда разъединяются по суставамъ. Когда въ послѣднюю почь при выносе шкуры въ тундру или лѣсъ, варять голову, то черепъ вѣшаютъ куданибудь на близъ стоящее дерево, въ полной увѣренности, что медвѣдь, благодарный за всѣ почести, которых ему были оказаны послѣ смерти, будетъ приносить счастье всѣмъ присутствующимъ на празднествахъ; шкура его болѣею частью жертвуется богамъ, а клыки и когти вырываютъ, какъ предметы, имѣющіе религіозное значеніе. Этимъ собственно и оканчиваются празднства въ честь медвѣда; на день между почами шкуру медвѣда покрываютъ платками и стараются изъ того помѣщенія, где она лежитъ, выходить задомъ, къ ней не повертываясь; во время представлений надѣвается лучшая одежда. Надо оговориться, что не всегда впрочемъ убіеніе медвѣда сопровождается такими празднствами: если при охотѣ онъ задеретъ кого-нибудь изъ охотниковъ, то братъ или вообще близкій родственникъ убитаго долженъ обязательно найти этого медвѣда и или убить его, или щогибнуть; если удастся сдѣлать первое, то тѣло медвѣда вмѣстѣ со шкурой и костями сжигаютъ на томъ мѣстѣ, где онъ варѣзаль человѣка, и послѣ этого такой охотникъ можетъ, въ случаѣ еще удачной охоты, уже не соблюдать никакихъ обрядовъ и даже можетъ разрушить кости медвѣда.

Существуетъ помимо сказанного не мало указаний на то, что медвѣда считаютъ за священнаго звѣря; напримѣръ, надѣть его лапой и мордой клянутся; причемъ дающей клятву грызть лапу или три раза замахивается топоромъ надѣль висящимъ на деревѣ черепомъ, говоря, пусть его медвѣдь также загрызть и загубить, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой; если женщина случайно набредетъ на медвѣжьи слѣды, то она должна ихъ обойти или же положить что-нибудь на слѣды гвидѣ жертвы; если-же нѣть ничего, то вырвать хотя пѣсколько волосъ; наконецъ, самое преданіе относительно

его происхождения, наибольшее распространение, даетъ полное основаніе смотрѣть на медвѣдя, какъ на звѣра священнаго. Преданіе это таково: у нуми торумъ на небѣ въ золотомъ его домѣ въ переднемъ углу на сукѣ жилъ медвѣдь. Разъ нуми пошелъ на охоту и, уходя, заперъ медвѣдя, предупредивъ его, чтобы онъ дверей не ломалъ, а сидѣль-бы дома. Сидѣть медвѣдь долго, надѣло ему; подошелъ къ дверямъ, попробовалъ ихъ—заперты; сталь напирать на нихъ, замокъ и сломался; испугался вначалѣ, но потомъ видѣтъ — бога нѣть, вышелъ изъ дома и пошелъ гулять; гулялъ долго—все одно и тоже — лѣсу нѣть, одна только трава, скучно стало; вдругъ видѣтъ божихъ лошадей, побѣжалъ къ нимъ, хотѣлъ повѣгратъ съ ними, а онѣ испугались и бросились въ сторону; онъ за ними—вдругъ оступился, смотрѣтъ — яма, внизу которой виднѣются многочисленные лѣса и воды; захотѣлось туда, а нельзя—дороги нѣть. Былъ медвѣдь долго, но ничего не добился, разсердился, пошелъ домой и по дорогѣ сталь все ломать; приходить и прежде всего разорвалъ свою постель. Вдругъ слышитъ медвѣдь, возвращается богъ, подходитъ къ дому и такъ сильно отрясаетъ лыжи, что самъ говоритъ: «если-бы не сынъ миѣ ихъ дѣлалъ, давно-бы онъ у меня сломались». Входитъ въ домъ, видѣтъ вездѣ беспорядокъ, спрашиваетъ медвѣдя, уже смирило сидѣщаго въ углу: «это что?» Тотъ волей не волей долженъ былъ сознаться, какъ все было, только извинялъ себя тѣмъ, что ему надоѣло очень сидѣть и онъ пошелъ. Разсердился на него богъ, обругалъ его, затѣмъ надѣлъ фартукъ и сталь изъ старыхъ ножей, топоровъ и лопатъ приготовлять цѣпь длиною въ триста саженей; сдѣлалъ затѣмъ изъ бересты люльку, посадилъ туда медвѣдя, который во все время подготовительныхъ работъ дрожалъ отъ страха, и подвѣлъ его къ отверстию, виденному медвѣдемъ съ неба; спустилъ туда люльку и подвѣсила ее такъ, чтобы она земли не касалась и чтобы вѣтеръ свободно качалъ ее изъ стороны въ сторону, для чего поднялъ сильную бурю. Отъ этого медвѣдя закачало до того, что, когда богъ

на третій день подошель къ отверстію и спросилъ медвѣдя— каково ему живется, онъ немедленно сказалъ: «какъ тебѣ не стыдно надо мною смѣяться, я и такъ чуть живъ».

Послѣ этого богъ смилился и говорить: «Это я тебѣ въ наказанье. Теперь-же я исполню твоє желаніе, спущу тебя на землю, только смотри—не ъши ничего изъ человѣческихъ амбаровъ, а то отошаешь и погибнешь; если исполнишь приказаніе, то будешь жирнымъ; поручить тебѣ рыбу и другіе запасы въ амбарахъ нельзя потому, что ты будешь ихъ разорять и даже людей убивать».

Спустился медвѣдь, обѣщаи исполнить приказаніе, но лишь только увидаль человѣческій амбаръ, какъ взломалъ его и стала ъсть все, что тамъ только было. Результаты такого непослушанія обнаружились скоро и обѣ отошаъ до того, что еле стала ходить. Увидала его разъ россомаха, спросила, отчего онъ такой худой; тотъ поѣдалъ ей свое горе; посовѣтовала она ему быть послушнымъ, и, дѣйствительно, лишь только онъ исправился и пересталъ трогать человѣческие запасы, какъ опять сдѣлалъся жирнымъ. На зиму онъ себѣ сдѣлалъ, по указанію бога, домъ въ землѣ — берлогу и питался тѣмъ, что сосалъ особый комочекъ, полученный имъ отъ бога при спусканіи его на землю. Жилъ онъ такъ долго, питаясь игодами и корнями, но и ему насталъ конецъ: разъ увидаль его богатырь узынъ одыръ пыхъ, убилъ его, по этого еще мало, а стала даже насмѣхаться, употребляя переднія лапы какъ метелки для полу и для очага, заднія—какъ лопатки, а всей шкурой стала затыкать чувалъ; оскорбилась на это тѣнь медвѣдя, пошла въ лѣсъ и привела съ собой новыхъ десять медвѣдей. Узнавъ про готовящуюся ему опасность, озынъ одыръ пыхъ устроилъ амбаръ на высокихъ ножкахъ, что бы было удобнѣе защищаться, и приготовилъ камней и дубинъ; пришедшихъ медвѣдей, несмотря на ихъ силу, онъ всѣхъ перебилъ, такая-же участъ постигла и вновь приходящихъ, вначалѣ двадцать, потомъ тридцать, наконецъ сорока. Тогда пришли пятьдесятъ одинъ медвѣдь, изъ кото-

рыхъ послѣдній былъ пестрый (это именно тотъ, который былъ спущенъ съ неба: *нуми-торумъ* позволилъ его тѣни принять прежній видъ и быть вѣчнымъ обитателемъ земли, вотъ почему еще до сихъ поръ его иногда видятъ на Уралѣ). *Озынъ одыръ пыхъ* пятьдесятъ убилъ, но пестраго одолѣть не могъ; испуганный онъ спрятался въ амбаръ, но амбаръ скоро былъ разбитъ; онъ перебѣжалъ въ домъ, крыша котораго была покрыта цѣлыми лиственницами, но и это не помогло; крыша скоро была вся разметана. Запросилъ тогда *озынъ одыръ пыхъ* прощенія, говоря: «я не зналъ, что богомъ положено почитать медвѣдей, да, по правдѣ сказать, и теперь не совсѣмъ вѣрю; если хочешь доказать, сѣвшъ этотъ топоръ». Думалъ онъ, что медвѣдь обломаетъ себѣ всѣ зубы, но этого не случилось: топоръ былъ весь изгрызенъ и *озынъ одыръ пыхъ*, не смотря на свое обѣщаніе жить мирно, растерзанъ.

Про происхожденіе приведенныхъ медвѣдей рассказываютъ слѣдующее: въ одномъ селеніи на землѣ жила одна женщина съ сыномъ, который былъ такъ силенъ, что еще въ малолѣтствѣ съ кѣмъ ни начнетъ играть, непремѣнно всякаго обидить, а иногда и убить; просила, умоляла мать, приказывала, наконецъ, ему быть осторожнѣе, по ничто не помогало и она, выведенная изъ терпѣнія, прокляла его. Богъ услышалъ это проклятие и наказалъ непослушнаго сына: разъ пошелъ онъ гулять и съ удивленіемъ сталъ замѣтить, что всѣ собаки, какія только его ни увидятъ, съ страшнымъ лаемъ и воемъ бросаются отъ него въ сторону; оглянулся на себя и увидаль себя всего покрытымъ волосами: онъ превратился въ медвѣдя. Вернулся домой, подошелъ къ матери, та испугалась, не узнала его, бросилась бѣжать; онъ ее остановилъ и назвался; стала она плакать, просить бога о прощеніи; затѣмъ принялась его упрекать, зачѣмъ онъ довѣль ею до того, что она его прокляла. Разсердился тутъ сынъ и зарычалъ: «молчи, если-бы ты не была моей матерью, я растерзаль-бы тебя», поцѣловалъ ее и ушелъ на всегда въ

льсь, гдѣ нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избісніе по злости всѣхъ своихъ братьевъ, и зажилъ съ нею, прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди являются потомками этой четы. Какъ и спущенного съ неба, такъ и превращенныхъ, *нуми торумъ* сдѣлалъ представителями истины и справедливости на землѣ: «Ѣште только тѣхъ людей и тотъ скотъ, которые въ чёмъ-нибудь провинились и на которые вамъ будеть указано; другихъ-же не трогайте, — иначе сами погибнете». Не мудрено поэтому, что всякий, сознающій за собой грѣхъ (а у кого его нѣть?), невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; но тѣмъ не менѣе всякий стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сътайной надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который согрѣшилъ чѣмъ-нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать и исполнить этого наказанія изберетъ его — угоднаго себѣ человѣка. Кромѣ того, богъ разрѣшилъ медвѣдямъ мстить тѣмъ людямъ, которые при жизни или по ихъ смерти будуть надъ ними насмѣхаться или оказывать малое почтеніе: хотя и убитый, а онъ всетаки все видѣть и слышать; вотъ почему каждый инородецъ, убившій медвѣдя, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, какъ онъ любить и уважаетъ медвѣдя, разсчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаграждаются ему затѣмъ сторицей; задабриваетъ онъ его, извиняется, что убилъ, говоря: «ты прости меня и не суди строго, вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ, я же тебя всегда любилъ и уважалъ и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь». И устраивается это празднество, стекаются на него со всѣхъ сторонъ сосѣди и славятъ убитаго звѣря, поминая его подвиги за питьемъ и Ѣдой и прося Уать имъ возможность еще разъ повеселиться и почтить его.

Представленія, разыгрываемыя во время празднества въ честь медвѣдя, довольно разнообразны и многочисленны: мнѣ пришлось ихъ видѣть, конечно, далеко не всѣ, тѣмъ болѣе,

что даже въ послѣднее время составляются новые, что зависятъ отъ умѣнія представляющихъ. Полагается вообще, чтобы каждую ночь разыгрывались новые сцены и такъ какъ иногда празднства продолжаются двѣнадцать ночей, то, даже считая по десяти сценъ каждую ночь, мы получимъ большое число—въ 120. Изъ этихъ сценъ въ послѣднюю ночь обязательно берутъ такія, гдѣ выступаютъ дѣйствующими лицами боги, которые призываются какъ-бы свидѣтелями хорошаго обращенія съ медвѣдемъ. Нѣкоторыя сцены въ высшей степени неприличны, да и вообще надо сказать, что на этихъ представлѣніяхъ допускается рѣшительно все: всевозможные жесты, движенія, остроты какъ безличныя, такъ и имѣющія отношеніе къ какому-нибудь известному лицу или къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, которые нерѣдко берутся за объектъ той или другой сцены: обижаться при этомъ на артистовъ нельзя, такъ какъ тутъ они не считаются простыми обыкновенными людьми, а особенными, способными принимать видъ того или другого представляемаго лица.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ сценъ, необходимо оговориться, что во время представлений существуетъ обычай разговаривать публикѣ съ играющими и наоборотъ. Видѣнія мною представлений были слѣдующаго содержанія:

Первая сцена. Входятъ на ложахъ, какъ-бы издалека трое мужчинъ, видѣть много собравшагося народа, удивляются и спрашиваютъ, что ихъ сюда привело. Одинъ изъ присутствующихъ на это имъ отвѣчаетъ: развѣ они не знаютъ, что какой-то убилъ медвѣдя и шкура его лежать тутъ же въ помѣщеніи и что они собирались воздать ему послѣдний долгъ. Пришедшіе вначалѣ не понимаютъ, смѣшиваютъ слова, острятъ, но затѣмъ когда, видѣть шкуру, моментально бросаются къ выходу, давя другъ друга; ихъ уговариваютъ, останавливаютъ, они понемногу начинаютъ подходить, но всетаки дрожать, нѣсколько разъ опять убѣгаютъ, двое даже не возвращаются, а третій остается и со страхомъ и съ трепетомъ подходить къ медвѣду и осторожно цѣлуетъ его въ морду. Для образца

остротъ приведу одну, имѣющую отношеніе къ описанной сцѣнѣ: когда пришедши спрашиваютъ, что за причина собранія, то имъ отвѣчаютъ: «развѣ они не видятъ звѣря — ужъ» (такъ иногда зовутъ медвѣда); тѣ переспрашиваютъ и со смѣхомъ повторяютъ — *пуй апіс*. Другія остроты въ такомъ же родѣ.

Вторая сцена. Два охотника, прежде никогда не видавши медвѣда, случайно въ лѣсу наткнулись на его берлогу; вначалѣ испугались, но затѣмъ стали думать, какъ-бы имъ добыть этого звѣря; думали, думали, ни до чего не додумались; рѣшили идти къ одной умной старухѣ, которая отъ старости слѣ ходила, но къ которой часто обращались люди за разными совѣтами; она вслушала ихъ просьбу; объяснила имъ, что видѣнныи ими звѣрь — медвѣдь, и научила, какъ его добыть. Поблагодаривши за совѣты, они вернулись къ берлогѣ и стали дѣлать все такъ, какъ ихъ учila старуха: обложили берлогу деревьями, оставили лишь небольшое отверстіе, въ которое выстрѣлили нѣсколько разъ изъ лука; затѣмъ накинули на шею уже убитаго звѣря петлю, вытащили, положили на грудь попрекъ пять палочекъ (убитый былъ самецъ), разрѣзали ихъ и стали снимать шкуру, оставивъ ее только на головѣ и переднихъ лапахъ; однимъ словомъ, они сдѣляли все то, что дѣлается и теперь и что было описано раньше: такъ строго хранить и породы завѣтъ старухи. Послѣ, снявши шкуру, съ пѣснями попесли ее домой. Роль медвѣда исполняла дубинка, покрытая малицей.

Третья сцена. Три брата, изъ которыхъ младшій совсѣмъ дуракъ, пошли па охоту; старшій для счастья взялъ съ собой изображеніе мэнжа. Во время пути младшаго не разъ приходилось бить за его глупые поступки: то котелъ выльеть, то собаку убить и т. д. Приходить на мѣсто, поставили шалашъ, сварили пищи и пошли лѣсоватъ; старшій нашелъ берлогу, но, вернувшись вечеромъ къ шалашу, обѣ этомъ братьямъ ничего не сказалъ, боясь, какъ-бы медвѣдь не узналъ про готовящуюся ему опасность, и только утромъ сообщилъ братьямъ о своей находкѣ, свѣдѣніе о которой не было встрѣчено

чено съ большою радостью; мало того, братья даже отказались пойти на охоту; это сильно разсердило старшаго, онъ ихъ поколотилъ и только тогда всѣ пошли; приходитъ къ берлогъ, старшій бросаетъ туда изображеніе мэнка; раздается трескъ; братья думаютъ, что это мэнко ломаетъ медвѣда, но къ сожалѣнію скоро въ этомъ разубѣдились, такъ какъ изъ берлоги выскочилъ звѣрь, бросился на средняго брата и загрызъ его; остальные убѣжали, причемъ младшій залѣзъ на дерево. Послѣ того какъ медвѣдь скрылся, старшій вышелъ изъ-за-деревьевъ и сталъ искать младшаго; искалъ долго, наконецъ увидалъ его сидящимъ на деревѣ; сталъ звать—пейдеть; схватилъ топоръ и подрубилъ дерево; младшій упалъ и при паденіи убился до смерти; видѣть старшій, что его дѣла плохи—два брата погибли; положилъ ихъ рядомъ, сталъ надувать *рег аним*, они и ожили; всѣ вскочили и стали плясать.

Четвертая сцена. Три охотника съ верховьевъ Оби попали на Сѣверную Сосьву; охота ихъ была удачна: у нихъ было много шкурокъ и они всю дорогу пили; наконецъ, водка вышла и они по дорогѣ зашли въ то селеніе, гдѣ былъ убитый медвѣдь; видѣть стеченіе народа, слышать пѣніе и музыку, рѣшили войти въ домъ, надѣясь, что ихъ—пришельцевъ не прогонять. Войдя, они всѣмъ поклонились; объявили, кто они и стали просить позволенія примкнуть къ ихъ празднству. Присутствующіе согласились, пришедши послали за водкой и началось пирование съ плясками.

Пятая сцена. Входить на лыжахъ одинъ инородецъ съ гордой осанкой и съ чувствомъ собственнаго достоинства: онъ никого не боится и для него страшнаго ничего не существуетъ. Видѣть медвѣда; спрашиваетъ—это что такое; и на отвѣтъ, что это—звѣрь священный, котораго необходимо почитать, подходить къ нему и бить его по щекѣ. Публика въ ужасѣ; предсказываетъ ему всевозможныя несчастія, но онъ на это не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и по прежнему продолжаетъ восхвалять собственную храбрость. Вдругъ на полусловѣ онъ останавливается, монсталъно ново-

рачивается назадъ, смотрить себѣ на ноги и ничего не видѣть. Его спрашиваютъ, что съ нимъ и онъ отвѣчаетъ, что ничего; не смотря на это, онъ къ чему-то сталъ прислушиваться и нерѣдко оглядываться назадъ; наконецъ, оборачивается къ публикѣ и проситъ спасти его отъ враговъ, которые у него бѣгаютъ между ногами.

Публика вглядывается и видѣть, что это бѣгаеть небольшая мышь, смеется; по пришедшему отъ этого не легче и онъ просить защиты; наконецъ падаетъ на колѣни и молитъ дать ему возможность пожить еще немногого и убить эту мышь, при чёмъ сознается, что онъ всего боится и далеко не такъ храбръ, какъ это только что говорилъ. Публика милостива, все прощается и начинается по прежнему всеобщая пляска.

Шестая сцена. Входитъ отецъ съ застѣнчивымъ сыномъ, который ничего еще не видѣлъ и всего пугается: видя массу народа, онъ бѣжитъ къ дверямъ, но отецъ его удерживаетъ; видѣть медвѣда — дрожитъ; отецъ уговариваетъ его; это отчасти помогаетъ, онъ начинаетъ подплясывать и подъ конецъ входитъ уже въ экстазъ; при видѣ этого начинаетъ плясать и отецъ.

Седьмая сцена. Отецъ, мать и сынъ плывутъ на лодкѣ по рѣкѣ; увидѣлъ сынъ на берегу черемуху, просится выпустить его съ лодки за пуржой; подплыли къ берегу, слѣзъ сынъ и на приказъ матери — скорѣе возвращаться и черемухи не бѣть, отвѣчалъ — хорошо; ждали его долго — все не возвращается; наконецъ, за нимъ пошла мать и привела съ собой, предварительно не мало поругавши. Поплыли дальше, но отѣхали немногого, стала сынъ жаловаться на боль въ животѣ и вскорѣ умеръ; старики сейчасъ-же начали его продувать и спереди, и сзади; ничто не помогаетъ; отецъ сдѣлалъ гробъ и пошелъ съ нимъ отыскывать гдѣ-нибудь укромное мѣсто; идѣть и поеть про то, какъ разъ одинъ старики заблудился въ лѣсу, какъ онъ незамѣтно провалился въ медвѣжью берлогу и какъ ему испуганному этимъ медвѣдѣ сталъ давать въ руки какой-то комокъ; слышать онъ отъ стариковъ, что

богъ медвѣдю на зиму даль комокъ, который тотъ и соссть всю зимнюю пору и такимъ образомъ насыщается и не умираеть съ голоду. Сталь старикъ лизать данный ему предметъ; полизаль и заснулъ; чрезъ нѣсколько времени проснулся, пососаль опять комокъ, повернулся на другой бокъ и спаль до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что подъ него начинаеть течь вода; проснулся, огляделся, видить весна настала, берлога покрыта водой, а медвѣдя и слѣдъ простыль. Вышелъ изъ берлоги и думаетъ, куда-же ему идти: заблудился осенью, а теперь весна: вдругъ видить вдали медвѣдя, который его манить къ себѣ; пошелъ за нимъ и чрезъ нѣсколько времени вышелъ на дорогу, по которой благополучно добрался до дому. Пока пѣлъ пѣсню старикъ, и усталости не замѣчалъ, неся гробъ; но потомъ сѣль отдохнуть, вынуль изъ гроба сына, отрубилъ ему ноги и понесъ; чрезъ нѣсколько времени опять стало тажело — отрубилъ туловище по поясинцу; въ третій разъ — руки по локтямъ; наконецъ, въ четвертый разъ голову, а затѣмъ бросиль и все остальное, остался только гробъ. Приходитъ на мѣсто, а жена, обогнавъ его, уже тамъ; захотѣлось ей еще разъ взглянуть на сына, открываетъ гробъ, а тамъ пѣть ничего. Мужъ дѣласть удивленное лицо и говорить, что навѣрное *куми торумъ* взиль его къ себѣ на небо; жена вѣрить и на радостяхъ начинаеть плясать вмѣстѣ съ мужемъ.

Восьмая сцена. Инеродецъ на собачьей нартѣ ѿдетъ на рѣку осматривать удобное мѣсто для запору; скоро находить его и дѣласть все необходимое; возвращается назадъ, при чемъ собаки такъ быстро мчатся, что онъ еле сидить; на другой день поѣхалъ смотрѣть, не попадоли чего-нибудь; оказывается, рыбы такъ много, что не помѣщается вся на нарту и часть приходится оставить; ѿдетъ домой и поеть про то, какъ хорошо ловить рыбу, если она попадается въ большомъ количествѣ, а также и про то, что онъ думаетъ слѣдить съ пойманной; рѣшилъ навялить, приготовить рыбаго жиру, а остатки предоставить въ распоряженіе собакъ. Нарта была представлена доской, а собаки — палками.

Девятая сцена. Идуть мужъ съ женой; мужъ началъ разхваливать свою жену, описывать ея красоту и доброту; жена на это стала дѣлать приятное выраженіе лица и понемногу подплѣсывать; затѣмъ мужъ сталъ жену бранить за то, что она ему невѣрна, что любить много пить, и т. д.; нагнула тутъ жена свою голову и не подымала до тѣхъ поръ, пока онъ опять не началъ ее хвалить; такъ повторялось до пяти разъ и подъ конецъ стали вмѣстѣ плакать.

Десятая сцена. Женщина выдѣлываеть шкурку соболя, при этомъ поеть про то, какъ соболь живетъ въ лѣсу, какъ онъ выводить дѣтей, какъ ихъ обучаетъ ловить добычу и избѣгать человѣческихъ западней.

Одиннадцатая сцена. Молодому инородцу захотѣлось жениться; не очень далеко отъ него жилъ одинъ старикъ съ дочерью, за которую онъ и рѣшилъ посвататься, но сколько онъ ни старался, лица ея видѣть ему все таки не удавалось, такъ какъ она постоянно закрывалась платкомъ. Быдилъ онъ зимою на оленяхъ, лѣтомъ на лодкѣ и все результатъ одинъ и тотъ же: лишь только она его увидѣтъ, сейчасъ же закрываєтъ; возвращается онъ назадъ и въ печальной импровизаціи поеть про свое горе. Наконецъ, обратился къ нуми торумъ съ просьбой помочь ему, поднять вѣтеръ, который сорваль бы платокъ съ скромной дѣвушки. Поѣхалъ опять, подѣлжастъ, дѣйствительно, поднялся вѣтеръ, платокъ былъ сорванъ и желаніе жениха было исполнено: онъ увидалъ лицо невѣсты, увидалъ и ахнулъ: такого безобразія въ жизнь не приходилось ему встрѣтить; моментально повернулъ лодку назадъ, усиленно загребъ и, отѣхавъ на приличное разстояніе, боязливо сталъ оглядываться, не бѣдѣть ли она за нимъ и такъ всю дорогу вплоть до дома, гдѣ, отплевываясь, стала насмѣхаться надъ самимъ собою и надъ невѣстой; подъ конецъ поблагодарилъ бога за спасеніе отъ такой жены.

Дванадцатая сцена. Рыболовъ поставилъ на одной рѣчкѣ самоловы и уѣхалъ; подѣлжаетъ чрезъ иѣсколько времени воръ, осмотрѣлъ, крадучись и со всѣми предосторожностями,

крючки, сняль попавшуюся на нихъ рыбу и ухалъ. На другой день та-же исторія; на третій опять; удивляется хозяинъ, что рыбы совсѣмъ вѣтъ; подумалъ, не срывается ли она и рѣшилъ на другой день прѣхать пораньше; прїѣзжаетъ и видѣть вора; догадался онъ тутъ о причинѣ малаго лова, сталь потихоньку подкрадываться, но воръ все таки его замѣтилъ, бросился бѣжать, да недовѣро спустилъ крючки въ воду; одинъ изъ нихъ и попалъ ему въ задъ; чѣмъ больше онъ бѣгается, тѣмъ дальше крючокъ входитъ въ тѣло; подѣхалъ хозяинъ, сталь его бить, а тотъ уже ни съ мѣста; скалился тогда онъ надъ нимъ, вытащилъ крючокъ, предварительно обвязавъ его заставить нѣсколько пудовъ рыбы и нѣсколько оленыхъ шкуръ и такимъ образомъ спасть его отъ позора, а, быть можетъ, и отъ смерти.

Тринадцатая сцена. Старшина и писарь Ѣдутъ собирать ясакъ; собирали они уже долго и не мало стало у нихъ добра на нартахъ; даже олени съ трудомъ везли, но имъ все казалось мало; подъ конецъ даже стали собирать вотлесъ—тыны и оссы^{*)}); прїѣзжаютъ къ одному охотнику, который въ это время занимался усиленнымъ приготовлениемъ стрѣльи и стали отъ него требовать всего, что только у него есть; дѣлъ онъ имъ соболя, оленя, лосиную шкуру—все мало; запросили вотлесу; разсердился онъ тутъ на нихъ, схватилъ охапку вотлеса и стала бить и старшину, и писара; насилу

^{*)} Вотлесомъ называется наструганное дерево, приготовляемое, преимущественно, лѣтомъ для ткачика, ложки или сосны, рѣдко изъ бересы: въ холода изъ ткачика его не дѣлаютъ, потому что тогда онъ легче проишитъ; вотлесъ составляетъ самую необходимую принадлежность каждого хозяйства и имеетъ самое разнообразное изложеніе—охотниками употребляется въ качествѣ пыжъ, при Ѣде вѣсто салестокъ, кладется за губу вѣстѣ съ инохательными табакомъ, женщиными въ періодъ менструаций, и т. д.; вообще онъ всегда и незѣ спровождастъ изгороди вѣсть мужчину. Такъ и женщину, заготавливается чисто съ боями на всю зиму; обыкновенно сухъ не очень старого дерева, очищенный предварительно отъ коры, начинать скоблить острыми ножами, поставленными совершенно перпендикулярно вверху; полученные стружки подрѣзывать до совсѣмъ, поэтому они остаются съ одного конца прикрепленными.

тъ успѣли сѣть на оленей и уѣхать; сѣть этихъ поръ къ этому охотнику ни погой и больше къ нему уже не приставали.

Четырнадцатая сцена. Одинъ самоѣдъ пріѣзжаетъ въ гости къ женатому остику; остикъ по самоѣдски не понимаетъ, а жена его кое-что знаетъ; изъ-за этого выходятъ разныи недоразумѣнія, вродѣ того, что самоѣдъ просить пить, а ему мужъ даетъ ъесть; тотъ хвалитъ жену, а хозяинъ думаетъ, что оленей, и предлагаетъ продать. Наконецъ, самоѣдъ успѣль остикѣ передать, чтобы она бросила своего мужа и поѣхала-бы съ нимъ—онъ богаче, дастъ ей больше мѣдныхъ украшеній, сошьетъ соболиою игушку, подарить стадо оленей (у женъ собственность бываетъ нерѣдко отдельно отъ мужей); вначалѣ та не соглашалась, но послѣ соблазнилась обѣщаніями самоѣда, стала варить напитокъ изъ мухоморовъ-панжъ, замѣнявшій прежде (изрѣдка употребляется и теперь) нашу водку и производящій не только опьяненіе, но заставляющій человѣка совершенно забывать окружающую его обстановку—идти въ рѣку, въ озеро, бросаться въ огонь, кидаться съ дерева на землю и вообще совершать цѣлый рядъ безразсудныхъ поступковъ, за которые ему иногда приходится потомъ сильно платиться. Сваривши этого напитка, она стала угождать гостя и мужа; первый пилъ мало, второй много, вслѣдствіе чего онъ скоро опьянѣлъ; самоѣдъ схватилъ жену, посадилъ ее на парту и погналъ оленей; остикъ хотя и понималъ еще кое-что, но сдѣлать ничего не могъ: ноги отказывались идти, языкъ говорить и руки стрѣлять; побился, побился, потомъ опрокинулся и захрапѣлъ. Такъ безъ жены и остался.

Пятнадцатая сцена. Встрѣчаются два остика, одинъ на лыжахъ, другой на оленяхъ; первый никогда не видалъ оленей, а второй лыжъ; осматриваютъ внимательно то и другое; пріѣхавшій на лыжахъ єсть оленыи изверженія, думая, что это черемуха; а владѣлецъ оленей осторожно подходитъ къ лыжамъ, боясь, какъ-бы онъ его не укусили. Осмотрѣвши, стали каждый хвалить свое: одинъ говорить, что олени лучше,

другой, что лыжи. Рѣшили попробовать, что быстрѣе; пустились въ перегонки, никто не можетъ перегнать другого; тогда помѣнялись, но ни кто не можетъ сладить съ приобрѣтеннымъ имуществомъ: одного олени не слушаются, а другой на лыжахъ не держится; бились, бились, рѣшили опять помѣняться, что и сдѣлили; послѣ чего разѣхались.

Шестнадцатая сцена. Мужъ съ женой; первый дѣлаетъ стрѣлы, вторая мнѣгь шкурки и приготовляеть нитки изъ оленьихъ жилъ. И тотъ, и другая поютъ; первый про то, какъ онъ будеть добывать звѣря, а вторая, какъ она изъ полученныхъ шкурокъ будеть шить одежду для мужа и для себя. Кончивъ работу, начинаютъ плясать, причемъ мужъ машеть стрѣлами, а жена—нитками и шкурками.

Семнадцатая сцена. Три сестры дѣвушки пришли съ Малой Соссы на Большую—Сѣверную искать себѣ жениховъ, такъ какъ слышали, что здѣсь мало женщинъ, а мужчинъ много. Старшая изъ сестеръ учить другихъ, чтобы онѣ не показывали виду, что имъ хочется имѣть мужей, а то говорить, мужчины народъ хитрый; догадаются, ни за что ихъ жены не возьмутъ; но сколько онѣ ни трудились, къ какимъ хитростямъ ни прибѣгали, заключавшимся, главнымъ образомъ, въ показыванія разныхъ сокровенныхъ мѣстъ и въ принятии соблазнительныхъ позъ, изъ этого толку не вышло никакого; мужей онѣ себѣ не нашли, плюнули и пошли домой.

Восемнадцатая сцена. Прѣѣжаютъ на низовья Оби съ ея верховьевъ два богатыхъ татарина; ищутъ себѣ невѣсть, никакъ не могутъ найти; вдругъ видятъ дрихлую старуху; не обращаютъ ни какого вниманія на ея года, бросаются на нее, но она встаки успѣваетъ выскользнутъ и уѣхжать отъ нихъ; преслѣдуя ее, они сталкиваются другъ съ другомъ и сваливаются въ кучу.

Девятнадцатая сцена. Входитъ одинъ человѣкъ, видить свою тѣнь, удивляется ей и не знаетъ, чѣмъ объяснить то, что она продѣлываетъ все, что только онъ дѣлаетъ; производить цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ движений и тѣнь,

конечно, ихъ вѣй повторяетъ; наконецъ, пугается этого, просятъ тѣнь отстать отъ него; все не помогаетъ, кидается на колѣни, тѣнь тоже; наконецъ, бросается бѣжать и скрывается изъ глазъ зрителей.

Двадцатая сцена. Одинъ человѣкъ сидѣть въ лѣсу, его кусаютъ комары; онъ во снѣ ихъ отгоняетъ, дѣлаетъ разныя движения, гримасы, наконецъ, вскакиваетъ, протираетъ глаза и начинаетъ разводить костеръ; развелъ, опять легъ, заснулъ, но комары вновь надѣдаются и онъ скоро опять просыпается, схватываетъ голову и начинаетъ сю махать въ разныя стороны.

Двадцать первая сцена. Одинъ звѣроловъ охотится въ чужомъ лѣсу и довольно удачно, такъ какъ уже убилъ трехъ соболей; вдругъ встрѣчаетъ его собственникъ лѣса, схватываетъ его и хочетъ убить за своеволіе; тотъ испуганный и дрожающій отъ страха начинаетъ его уговаривать, отдаетъ ему убитыхъ соболей, предлагаетъ пригнать ему пѣсколько штукъ оленей, привести нѣсколько котловъ, но все напрасно; хозяинъ подозрѣваетъ его, что онъ и раньше охотился и что онъ перебилъ у него не мало дичи; наконецъ, тотъ говоритъ, что у него есть дочь, которую онъ отдастъ за него безъ всякой калымы, лишьбы онъ его отпустилъ. Предложеніе это съ радостью принимается и они оба начинаютъ плясать.

Двадцать вторая сцена. Одинъ отецъ пошелъ отыскывать жену для сына; послѣ долгихъ разспросовъ узналъ, что въ одномъ селеніи живеть мать съ дочерью; отправляется туда, дочери иѣтъ дома, но онъ условился послѣ долгихъ переговоровъ съ матерью о калымѣ, причемъ обзался доставить двадцать пять оленей, десять пудовъ виленой рыбы, пять собольихъ шкурокъ и три агушки. Отправляется домой за сыномъ, беретъ его съ собой и идетъ къ пекѣстѣ; по сыну его былъ совершенный дикарь, ничего не видаль и быль въ высшей степени застѣпчивъ. По дорогѣ постоянно задаетъ вопросы: «это что, это зачѣмъ?» и такъ далѣе. Подходитъ къ невѣстиному дому, видѣть прорубь въ рѣкѣ, изъ которой она

береть воду, пугается и бѣжитъ назадъ; отецъ за нимъ, догоняетъ, останавливается, корочаются; видить мѣсто, где рубать дрова—опять бѣжитъ; видить сѣни—ходитъ въ нихъ—бѣжитъ; такъ, однимъ словомъ, продолжается нѣсколько времени, наконецъ удастся ввести его въ домъ и познакомить съ невѣстой; сейчасъ же устраивается свадьба, послѣ которой начинаютъ плясать.

Двадцать третья сцена. Мужчина приводить большого съ двумя опухолями, по одной на спинѣ и на груди; ищетъ доктора, не находить; рѣшается самъ лѣчить, говоря, что за больными надо ухаживать, облегчать имъ ихъ страданія и утѣшать всевозможными средствами тѣмъ болѣе, что всякий изъ людей можетъ захворать еще сильнѣе. Береть топоръ, точить его, кладеть больного на спину и ловкимъ ударомъ отрѣзаетъ или, вѣриѣ сказать, отрубаетъ грудную опухоль, тоже самое продѣливаетъ и со спиной. Больной выздоравливаетъ и имѣстъ со своимъ докторомъ начинаетъ плясать.

Двадцать четвертая сцена. Двое тобольскихъ купцовъ плынутъ по Оби, встречаютъ остика, дѣлающаго въ одномъ мѣстѣ запоръ для рыбы; здороваются съ нимъ, тотъ еле имъ отвѣчаетъ; спрашиваютъ, есть-ли у него рыба. «Есть, отвѣчаетъ, но не для васъ». «Отчего ты намъ ничего не хочешь продать или промѣнять—у насъ есть немало разныхъ хорошихъ товаровъ и мы уступимъ по своей цѣнѣ». «Знаю я это, но съ вами дѣла имѣть не желаю: у меня есть все, что мнѣ надо: рыба, птица и зѣфирь—въ большемъ я не нуждаюсь; а попадешь къ вами въ лапы—скоро не выберешься». Сказали и только сильнѣе приились за работу; постояли они немного; видѣть, что толку никакого не добываются и поѣхали дальше; а инородецъ поглядѣлъ имъ всѣль, потрясъ кулакомъ и проворчалъ: «Разбойники и грабители».

Двадцать пятая сцена. Двое вносятъ покойника очень большаго роста благодаря тому, что у него маска прикрѣплена къ длинной палкѣ, продѣтой сквозь малицу; при помощи этой палки совершаются разныя движенія мнимой головой.

Принесшие начинают тереть покойника въ разныхъ мѣстахъ, брызгаютъ живой водой — *лилинъ симъ*, оживляютъ его и на радостяхъ всѣ начинаютъ плясать; затѣмъ даютъ ему нюхать табакъ, котораго онъ раньше не видаль; онъ съ радостью бросается на него, облюхивается, падаетъ и умираетъ; опять оживили, опять облюхался — все это обыкновено сопровождается разными тѣлодвиженіями и гримасами; вновь оживили и т. д. до трехъ разъ; поконецъ *лилинъ симъ* не хватило и онъ умеръ окончательно. Его спутники стали хоронить его со всѣми обрядами, о которыхъ писалось раньше; похоронивши, устроили небольшое празднество въ честь покойнаго, сопровождаемое танцами.

Двадцать шестая сцена. Одинъ человѣкъ изображаетъ березовый пень, другой подходитъ къ нему и начинаетъ дѣлать разныя движенія, которыя ниемъ аккуратно повторяются; сцена, напоминающая собою представление съ тѣнью. Подъ конецъ у пня обнаруживаются руки, ноги, голова; однимъ словомъ, онъ превращается въ человѣка, который и начинаетъ вѣсть съ другимъ плясать.

Двадцать седьмая сцена. Охотникъ въ лѣсу наткнулся на мэнка, стоявшаго совершенно неподвижно, такъ что онъ не знаетъ — мэнка-ли это или пень; чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли это мэнка, онъ говоритъ: если это лѣшний, то пусть онъ продолжаетъ все то, что я сейчасъ самъ буду». Сталъ поднимать руку, ногу, поворачивать голову и т. д., но что только онъ ни дѣлалъ, все немедленно повторялось, и онъ убѣдился, что это — мэнка. Бросился на колѣни, сталъ просить пощады и обѣщалъ принести ему въ жертву двухъ оленей. Въ знакъ пощады и прощенія за сомнѣніе, мэнка повернулъ голову и съ присвистомъ убѣжалъ.

Двадцать восьмая сцена. Мэнкъ съ женой входятъ, свистятъ и топая, и кланяются медвѣду; затѣмъ берутъ въ обѣ руки по платку и начинаютъ съ крикомъ, гамомъ и шумомъ плясать; утомившись — ложатся: мужъ начинаетъ ласкать жену, при-

стать къ ней; та сперва отворачивается, но потомъ соглашается....

Двадцатъ девятая сцена. Входитъ три мэнка, садятся на скамейку, поднимаютъ по очереди правую и лѣвую ногу, затѣмъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ, причемъ, проходя мимо медведя, кланяются ему и свистятъ; садятся опять, поднимаютъ правую и лѣвую руку, вскакиваютъ, дѣлаютъ кругъ; опять садятся, дѣлаютъ движеніе головой и повторяютъ все то, что дѣгалось и раньше; затѣмъ вѣквтроемъ начинаютъ быстро кружиться на одномъ мѣстѣ, хлопаютъ въ ладоши и съ присестомъ убѣгаютъ.

Тридцатая сцена. Два охотника ловятъ сѣтями утокъ и гусей и очень удачно—каждый разъ вытаскиваютъ десятками; объясняютъ это себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ нихъ отлично подражаетъ крику разныхъ птицъ. Вдругъ является дочь мэнка и предлагаетъ сразу имъ обоимъ себѣ въ жены, говоря, что удачной охотой они обязаны ей, такъ какъ она загонила птицу прямо въ ихъ сѣти. Они отказываются; та раздраженная уходитъ а на прощаніи говоритъ, что они ее не забудутъ. Приступили послѣ этого къ охотѣ, и, сколько ни старались, поймать ничего не могли; сидѣли еще семь дней, запасы уже истощились, пошли домой, надѣясь тамъ взять изъ спрятанного въ амбарѣ; приходятъ, оказывается амбаръ-сгорѣлъ; пошли опять на охоту, но по прежнему безуспѣшно; поняли они тутъ, что бороться съ дочерью мэнковъ не подъ силу, стали ее призывать, но она уже не являлась и они въ страшныхъ мученіяхъ—въ коркахъ погибаютъ отъ голодной смерти.

Тридцать первая сцена. Три брата пошли въ лѣсъ охотиться; приходятъ на одно мѣсто, гдѣ старшій былъ уже раньше, раскладываютъ костеръ, варятъ себѣ пищу и ложатся спать. Утромъ старшій разсказываетъ свой сонъ, будто онъ видѣлъ болото, за которымъ тянется большое озеро, съ мысомъ, поросшимъ громадными лиственничными деревьями, между которыми стоитъ домъ, гдѣ живутъ дочери

мэнка. Спрашивает онъ братьевъ, не хотятъ ли они пойти вмѣстѣ съ пимъ туда посмотретьъ, что это за дочери мэнка. Согласились, пошли, видать, что дорога точь въ точь та-
кая, какой видѣлъ ее во снѣ старшій братъ; доходя до озера; испугался тутъ младшій—бросился бѣжать назадъ; по-
шли вдвоемъ, дошли до мыса; оглянулся старшій братъ на-
задъ—никого, и средній убѣжалъ. Дѣлать нечего, пошелъ
одинъ, дошелъ до дому, отворилъ дверь; тутъ бросилась на
него дочь мэнка (она была одна дома) и стала съ нимъ
бороться; не удалось ей веетаки его побороть признала она
его своимъ мужемъ и мирно пошла за пимъ. Подходить къ
старому мѣсту, увидали ихъ братья и рѣшили убить своего
старшаго и завладѣть его женой; но онъ объѣтомъ догадался
и стала ихъ осмыливать, что они испугались бабы и броси-
лись отъ нея бѣжать; оскорбило ихъ это, стали сваливать другъ
на друга, побралились, наконецъ, подрались, да такъ, что
оба умерли. Старшій братъ со своей молодой женой на ра-
достяхъ стала плясать, а затѣмъ отправился съ ней домой.

Тридцатъ вторая сцена. Двое охотниковъ пошли на охоту
за соболями въ такія мѣста, гдѣ бывали раньше и гдѣ собо-
лей всегда было много; но въ этотъ разъ ходили долго, а звѣ-
рей не видали; удивляются, отчего они перевелись, идутъ впе-
редъ; вдругъ увидали слѣдъ, похожій на человѣческій, но
только гораздо больше, испугались, побѣжали назадъ, но за
ними раздался свистъ, топотъ, а затѣмъ вдругъ на дорогѣ
прямо и противъ нихъ появился мэнкъ, который загородилъ
имъ путь; дѣлать было нечего, взялъ одинъ изъ охотниковъ
ружье, зарядилъ его мѣдной пулой, которую каждый охот-
никъ носитъ на всякий случай и выстрѣлилъ, цѣльясь прямо
въ сердце. Выстрѣль даромъ не пропалъ—мэнкъ упалъ мер-
твымъ. Проходитъ такъ три дня, дочь мэнка ждетъ своего
отца, но все напрасно — отца нѣть; рѣшила тогда идти ему
на вестрѣчу; шла долго, наконецъ навала на слѣды; они при-
вели ее къ истинѣ: вскорѣ можно было замѣтить тѣло уби-
таго мэнка; она бросилась къ нему, стала цѣловаться, плакать;

наконец увидала убийца и начала просить ихъ оживить ея отца, вынувъ изъ тѣла пушу. Они не соглашаются; тогда дочь мэнка предлагаетъ въ даръ всевозможныхъ забрѣй, птицъ и рыбъ; обѣщаетъ имъ всегда и вездѣ успѣхъ и полное содѣстїе, но и этого мало; тогда она предлагаетъ имъ *себя* въ жены; на это они соглашаются, вынимаютъ пушу изъ тѣла и убитый оживаетъ. Дочь рассказываетъ, какой цѣною она его спасла; тотъ ее благодаритъ и соглашается на бракъ; братья уводятъ ее съ собою и начинаютъ съ нею жить какъ съ женой.

Тридцать третья сцена. Два брата собираются идти въ лѣсъ *бѣлого* и *не хотятъ съ собою брата младшаго—дурачка*, но тогъ, замѣтилъ, что они куда-то идутъ, сталъ просить ихъ взять и его съ собою; вначалѣ тѣ отказывались, говоря, что они далеко идутъ и что онъ ничего не умѣетъ, но затѣмъ согласились; отъ радости младшій сталъ блѣгать и кричать: «иду, иду». Велѣть ему вьючить нарту; сколько онъ ни старался, не могъ всего уложить такъ, какъ слѣдуетъ; научили его, и, собравшись вполнѣ, отправились; они вдвоеемъ пошли впередъ и потянули нарту за собой, а ему велѣли подталкивать ее сзади; идуть, устали очень скоро и удивляются, отчего такъ тяжело вести поклажу: кажется, вещей немного, а съ трудомъ тянутъ; оглянувшись назадъ и видѣть, что дурачекъ тянетъ тоже изо всѣхъ силъ, только въ обратную сторону; разсердились братья и поколотили его; пошли дальше—перестала нарта идти правильно, то вправо, то влево; оказывается, младшему *надоѣло* идти прямо и онъ то въ одну сторону нарту толкнетъ, то въ другую; поколотили и за это. Наконецъ добрались до мѣста, велѣли ему спѣчь разгребать, сталъ имъ въ лицо бросать; велѣли дровъ нарубить, имъ ноги лопортилъ; велѣли въ котелъ накласть (подразумѣвается, рыбы), а онъ сходилъ въ него за большой нуждой; велѣли вымыть,— вымыть, да только уриной; велѣли мѣшать, сталъ это дѣлать ногою; разсердились братья, поколотили его и легли спать безъ ужина; такъ онъ все одинъ и сѣль. На другой день пошли лѣсоватъ; пока братья *окотились*, млад-

шій стала потихоньку дѣлать сангуданъ; вечеромъ одинъ братъ прінесъ нару соболей, другой десятка три бѣлокъ, а младшій только одинъ разсказъ про то, что онъ столько видѣлъ звѣря, сколько ему никогда не приходилось видеть, да не удалось ничего убить—глаза разбѣжались, не зналь—въ кого стрѣлять. Съ ужиномъ повторилась вчерашия исторія, такъ что братья поѣли только одной сухой рыбы; съ тѣмъ и уснули. Утромъ опять всѣ разошлись—братья охотиться, а дурачекъ сангуданъ додѣлывать; додѣлалъ и спряталъ въ сиѣгъ; вечеромъ поднялись разговоры о томъ, сколько кто убилъ: старшіе добыли не мало звѣри, а младшій только разсказываетъ, сколько онъ видѣлъ. Слѣдующій день, пока братья охотились, дурачекъ все игралъ и такъ вплоть до разсвѣта; очнулся, поскорѣе побѣжалъ на ночлегъ, а братья его уже спать. Потомъ повторилось тоже самое, только младшій такъ заигрался, что проигралъ всю ночь; проснулись братья, видѣть, дурачка нѣть, испугались—не медвѣдь-ли его сѣлъ. Пошли отыскивать; искали, искали, вдругъ одинъ изъ нихъ слышитъ, кто-то вдали играетъ; свиснула, чтобы обратить вниманіе другаго, но эта свистъ услыхалъ и играющій; испугался, бросился прятать свой сангуданъ, но присутствующіе изъ публики стали его увѣрять, что это вѣтеръ; успокоился, досталъ инструментъ и сталъ играть опять; снова раздался свистъ, но и тутъ его успокоили, сказавъ, что это его лыжи скрипнули; наконецъ, братья потихоньку подкрались, увидали, что это ихъ дурачекъ играетъ, схватили его и стали требовать сангуданъ; вначалѣ не отдавалъ, но потомъ долженъ былъ уступить самъ; признался играть старшій, затѣмъ второй братъ, но сколько они ни старались, ничего у нихъ не выходило; передали младшему и велѣли играть. Началъ онъ и съ радости, что получилъ обратно свой инструментъ, такъ заигралъ, что всѣ заплясали.

Неприметна и однообразна жизнь съверного инородца; проходит она изо дня въ день, полная борьбы за существование, особенно теперь, когда богатства страны уменьшаются, а потребности населения увеличиваются; мало видить онъ радости и развлечений, а потребность въ томъ и въ другомъ у него безусловно существует; немудрено поэтому, что рвется онъ и мчится за сотни верстъ на своихъ быстрыхъ оленяхъ на разныя жертвоприношения, на пляски въ честь медвѣдя и тому подобные случаи, гдѣ его можно видѣть такимъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ, когда обѣ никого не боится и когда дѣлаетъ лишь то, что захочетъ. Не только ему, но даже заѣзжему человѣку, пробывшему лишь всего нѣсколько мѣсяцевъ въ его обстановкѣ, служить отдохновеніемъ отъ трудовъ и развлечений присутствіе на жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ честь медвѣдя.